

Военные
Приключения

Хроники
★ Беркут

СТОЯТЬ В ОГНЕ

Богдан Иванович Сушинский
Стоять в огне
Серия «Хроники «Беркута»», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=438585
Стоять в огне: Вече; М.; 2010
ISBN 978-5-4444-7416-7, 978-5-9533-4943-7

Аннотация

Весна 1942 года. Леса Подолии. Неуловимый Беркут и его бойцы по-прежнему наводят ужас на местных полицаев и доставляют массу неприятностей оккупационным властям. Их операции дерзки, стремительны и неожиданны. Руководство абвера требует скорейшего разгрома надоедливой отряда. Гауптштурмфюрер Штубер со своими «Рыцарями Черного леса» из диверсионного полка «Бранденбург» разрабатывает хитроумную операцию, чтобы окончательно разделаться с Беркутом...

Роман входит в новый цикл «Беркут» известного писателя Богдана Сушинского и является продолжением романа «Живым приказано сражаться».

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	14
5	17
6	19
7	22
8	27
9	29
10	34
11	36
12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Богдан Сушинский

Стоять в огне

1

Оставив машину у ворот крепости, подполковник Ранке направился к башне, в которой, как доложил часовой, находился в эти минуты гауптштурмфюрер СС Штубер. Проходя крепостной двор, Ранке придирчиво разглядывал старинные, местами разрушенные стены, позеленевшие от времени, но еще довольно крепкие башни, полуобвалившийся купол церкви.

Ну что ж, этот любимчик Скорцени избрал неплохой способ вживаться в местные условия. Отсидевшись за такими стенами, можно выдвигать какие угодно концепции покорения Востока. А Штубер, если его верно информировали, очень любит пофилософствовать на эту тему.

Сопровождавший Ранке солдат услужливо открыл перекосившуюся дверь и остался у входа. Поднявшись пыльной лестницей наверх, подполковник отодвинул серое солдатское одеяло, закрывающее дверной проем, и вошел в небольшое квадратное помещение.

Аккуратно застеленные таким же, как и на дверном проеме, серым одеялом нары, высокий грубо сколоченный стол, на котором стояли полевой телефон и несколько бутылок коньяку и лежали два небольших пистолета... Сбоку, у двери, – пирамидка со шмайсером и двумя советскими трехлинейками. «Ну что ж, по-армейски, по-армейски. Без аристократической романтики».

Сам хозяин пристанища стоял возле узкой бойницы, словно последний защитник этой башни. Услышав шаги, он лишь слегка повернул голову. Зато рука сразу же легла на кобуру с пистолетом.

«Отработанный жест... – одобрительно отметил про себя Ранке. – Неужели успел бы выхватить?»

– Вы неплохо устроились, гауптштурмфюрер. Простите, что не заглянул к вам раньше. Дела.

Этим извинением подполковник явно желал подчеркнуть неофициальность своего визита. Хотя специальным указанием из Берлина возглавляемый Штубером отряд особого назначения формально был подчинен ему (во всяком случае, все приказы Штубер должен был получать теперь через местное отделение абвера, которым руководил он, Ранке), однако подполковник хорошо представлял себе, с кем имеет дело. По поводу обычных зондеркоманд специальных директив из Берлина не поступает. Кроме того, его люди успели выяснить немало интересного о командире отряда (сам Штубер предпочитал называть его группой), на который возлагались особые функции в зоне возможной дислокации фронтовой ставки фюрера, и его берлинских связях.

Прежде чем ответить, Штубер оценивающе оглядел Ранке, как будто прикидывал, стоит ли вообще с ним разговаривать.

– Чудесный ландшафт, господин подполковник.

– Рад, что вам приглянулись по душе эти края.

– Они приглянулись мне по душе еще в июле сорок первого.

– Вот как? Вы здесь воевали? – и, так и не дождавшись ответа, продолжил: – Правда, зимой здесь все кажется более угрюмым. Но теперь, в конце мая... Кстати, почему вы решили разместиться в крепости, далеко за городом? Мои люди присмотрели для вас неплохой особняк. Там намного уютнее.

– Я побывал почти во всех европейских крепостях. Что поделаешь, меня привлекают только те пейзажи, которые открываются из бойниц. Прошу садиться, господин подполковник.

Ранке кивнул, но вместо того чтобы сесть на пододвинутый ему Штубером стул, подошел к бойнице. Пейзаж действительно мог очаровать кого угодно: изгиб реки, затопленный весенним половодьем луг, невысокие холмы, меловые вершины которых под лучами утреннего солнца казались гигантскими свечами. А в просветах между ними – лес. Таинственный, колдовской... Недаром его называют здесь Черным. Подполковник знал, к выполнению каких задач готовилась группа «Рыцари Черного леса» под командованием гауптштурмфюрера СС, поэтому не сомневался, что Штубер часами смотрит на этот лес, как пророк на вещие знаки. В общем-то, ничего удивительного: в конце концов, каждый стремится предвидеть свою судьбу. Тем более – на войне. Вот только удавалось ли кому-нибудь?

– Прекрасный французский коньяк. Прошу...

* * *

Ранке не хотелось садиться за этот неаккуратно сбитый стол, поэтому выпили стоя. И лишь поставив рюмку, подполковник обратил внимание на одежду Штубера. Заправленные в егерские ботинки желтые, свободного покроя брюки, такая же желтая рубашка с погончиками и синий берет со значком в виде дубового листка. В этом наряде, удачно подчеркивающим его атлетическую фигуру, Штубер больше походил на испанского солдата-республиканца, чем на офицера СС. Подполковнику, всегда ревностно следившему за соблюдением подчиненными установленной формы одежды, это было неприятно. Но ничего не поделаешь: «Рыцарям Черного леса» было предоставлено право самим выбирать себе форму одежды, вид оружия и методы борьбы. Операции они также разрабатывали сами. На местные отделения абвера и гестапо возлагалась лишь обязанность всемерно содействовать им в выполнении любого особого задания.

– Господин подполковник, меня по-прежнему интересует, есть ли новые сведения о Беркуте?

– Есть, – подполковник отвел взгляд и нервно забарабанил пальцами по столу. Он понимал, что для гауптштурмфюрера важны сейчас любые данные о группе Беркута. Тем не менее воспринял это напоминание как намек. Грубый намек.

– Что нового он предложил на этот раз? – закурил гауптштурмфюрер, забыв спросить разрешения у подполковника. Штубер вообще вел себя так, словно перед ним стоял не шеф отделения абвера, а вызванный им для доклада подчиненный. И все же Ранке не хотелось портить отношения с этим человеком. В конце концов, именно с его помощью он намеревался захватить разведчиков или кто они там на самом деле, действующих в группе Беркута. Подполковник был уверен, что эта диверсионная группа состояла не из окруженцев, как считали в гестапо и сам Штубер, а из опытных профессионалов. Которые умышленно оказались в их тылу. Другое дело, что, выдавая себя за обычных фронтовиков, они сколачивают специальный отряд, занимаясь по ходу событий его подготовкой. Но это не должно успокаивать. Уничтожить эту группу будет куда сложнее, чем обычную стаю очумевших от страха мужичков-окопников.

– Могу сказать только то, что Беркут ведет себя все более дерзко. Даже беглый анализ донесений о проведенных им операциях позволяет заметить интересную особенность этого человека: он лично участвует в операциях, на которые мог бы посылать любого из рядовых.

– Но согласитесь, что это наиболее рискованные операции, – насмешливо сощурился Штубер. В смуглом полноватом лице его не было и намека на арийские черты, поэтому

можно лишь догадываться, каким образом этот человек оказался в войсках СС, причем с первых дней их существования, да к тому же сумел стать офицером.

Однако Ранке точно известно, что начинал Штубер со специальных поручений в Испании в период гражданской войны. А затем оказался в Австрии. Таким образом, еще до лета сорок первого он успел провести несколько полубезумных, как называли их в управлении абвера в Берлине, операций. А вот о том, что Штубер воевал в этих местах в июле сорок первого, Ранке почему-то слышал впервые.

– Да, наиболее рискованные. Будем справедливыми по отношению к этому человеку, – согласился подполковник. – Но какова основная цель? Я имею в виду не отдельные операции, а деятельность группы в целом. Беркутов такого полета на мелкую добычу – обозников и полицейских – не бросают. И почему он в лесу, а не попытался укорениться в абвере, гестапо или хотя бы в полиции? Он ведь довольно хорошо владеет немецким.

– Какой же оказалась его добыча на этот раз? – поинтересовался Штубер, не желая вдаваться в рассуждения.

– Два кретина из местной полиции, патрулировавшие у села Залешики. Они видели, как Беркут вышел из придорожного кустарника. Старший из полицейских сразу же потребовал документы. «Зачем вам мои документы? – ухмыльнулся диверсант. – Я – Беркут. Неужели до сих пор не узнаете?» Услышав это, полицейские на какой-то миг оторопели. Этого оказалось достаточно, чтобы Беркут двумя ударами сбил их обоих с ног. Представляете, двумя ударами? Ну а дальше...

– Простите, какими именно? – прервал его Штубер. – Это очень важно.

Подполковник недовольно поморщился, но все же вкратце описал приемы. Он предвидел этот вопрос. Штубера всегда интересовало, какими приемами пользуется Беркут. Он и сам уже, видимо, свихнулся на всяких там дзюдо и джиу-джитсу.

– Что и говорить, след по себе он оставляет кровавый, – покачал головой Штубер. – Тем не менее брать его нужно живым.

– Разве что, учитывая особенность зоны, в которой приходится заниматься обеспечением безопасности... – нехотя согласился Ранке. – Будь моя воля – я приказал бы стрелять в него из пушек.

– Можно подумать, что у нас уже была возможность пристрелить его, – скептически хмыкнул Штубер. Это «у нас» было данью вежливости. Он-то имел в виду абвер и лично его, Ранке. – Абвер вместе с гестапо, СД, контрразведкой и местной полицией... Хотелось бы знать, чем они здесь занимаются. И замечу, трупы не вызывают у меня никаких эмоций. Война интересует меня лишь как борьба интеллектов и характеров, ловкости и выдержки, риска и рыцарской чести. Все остальное – окопы, истерзанные тела и сожженные села – гнусные издержки, которые, впрочем, не производят на меня никакого впечатления.

– Но согласитесь: ваша группа оказалась в этой крепости лишь благодаря тем, кто прошел через окопы и сожженные села. И только благодаря тому, что они, растерзанные тела многих тысяч солдат вермахта, устлали эту землю кровавым ковром триумфа будущих победителей.

– Несомненно, господин подполковник, несомненно... Хотя могла бы оказаться здесь и без них. И сделать больше, чем все подразделения вермахта, прошедшие через Подолию почти за два года войны. Эту страну с ее гигантскими лесами можно было полностью деморализовать действиями одних только групп хорошо подготовленных диверсантов. Парализовать экономику, устроить межнациональную резню. А затем уже прийти. И захватить за три-четыре месяца. А что касается триумфальных ковров из тел – оставим эти патетические банальности ученикам Геббельса. Это их хлеб.

– Вы прекрасно знаете, что сюда забрасывали сотни всяческих групп. Интересно только, где они теперь?

– Вопрос в том, кого именно забрасывали? Трусливых неучей? С примитивными рациями, к давно перевербованным резидентам?.. Кстати, как чувствует себя тот старикашка, в доме которого, говорят, всю зиму отогревался Беркут?

– Завтра же передам его гестапо.

– Неужели так и не заговорил?

– А он и не пытался отмалчиваться.

– Странно. И что он поведал нам?

– Что раньше Беркут бывал у него довольно часто. В его доме, собственно, и перезимовал.

– Один навещался, один зимовал?

– Иногда ночевали еще два-три человека. И, как правило, с Беркутом был его ординарец.

– Что, действительно ординарец? – насторожился Штубер.

– Так говорит старик. Он – бывший солдат. И еще одна особенность: старик утверждает, что ординарец и Беркут немного похожи друг на друга. Правда, Беркут более коренаст и, видимо, физически покрепче, но все же деталь довольно любопытная.

– Значит, вместе с ним все еще действует сержант Крамарчук. Старый знакомый. Удивительно живуч. Он описал внешность Беркута?

– Описал. Совпадает с описанием, которое дал один из двух полицейских (врачи чудом спасли его): высокого роста, широкоплечий, могучая грудь, полнолицый, широкий раздвоенный подбородок. Нос по-орлиному загнут, кончик слегка приплюснут.

– Полицейский успел заметить даже такое?

– Нет, это уже со слов старика. Кстати, оба описания совпадают с имеющимся в гестапо. Оно составлено на основании донесений различных лиц, поступавших еще с прошлой осени.

– Гестапо может гордиться. Интересно, зачем Беркуту понадобилось уничтожить патруль? Так рисковать...

– Захватил оружие, патроны, документы... Боюсь, что все это очень скоро ему пригодится.

– Прикажите, пожалуйста, доставить этого отставного солдата ко мне. Не в гестапо, а сюда, в крепость. Со штурмбаннфюрером Роттенбергом я договорюсь сам. Кстати, гестапо получило те же указания относительно моей группы, что и ваш абвер. – «Ваш абвер» Штубер произнес таким тоном, словно речь шла о чем-то не стоящем внимания. – Надеюсь, у них есть кого вешать и без этого древнего старца?

– Планируете какую-то операцию против Беркута? – осторожно поинтересовался подполковник.

– Планирую. Старик может пригодиться.

Подполковник молча кивнул. По тону ответа он понял, что подробностей пока не узнает. Ну что же, он не настаивает.

– Да, с чего это ваш пленник вдруг оказался таким разговорчивым? – спросил Штубер, когда Ранке уже ступил на лестницу. – Меня интересуют мотивы.

– Знаю только, что ни одно из представленных им сведений использовать против Беркута мы не сможем. В доме у старика тот не появляется с марта. Мы следили. А ждать, когда из него начнут выжимать ответы, старику нет смысла.

– Логично, – согласился Штубер. – Хотя логичность в таких делах всегда настораживает.

2

Войдя в башню, старик остановился у входа в темное смрадное подземелье, но конвоир подтолкнул его к ступеням, ведущим на второй этаж. Лесич изумленно посмотрел на него, потом на ступени, которыми ему теперь нелегко будет подниматься, и перекрестился. Может, обрадовался, что не в подземелье, а может, из страха перед тем, что ждет его наверху. Он знал, что идет на смерть. Но знал и то, что люди придумали тысячи смертных мук. И неизвестно еще, какую именно уготовили ему.

Сквозь бойницу ударил в лицо луч предзакатного солнца. От неожиданности старик зажмурил глаза, а когда открыл – слева от нее увидел стройного, плотно скроенного немецкого офицера, который, держа руки на пряжке ремня, смотрел на него невозмутимо и почти сочувственно.

Лесич отвел взгляд, вздохнул и, не дожидаясь разрешения, устало опустился на стоявший рядом стул.

– Ты действительно был солдатом?

– Что? – настороженно поднял глаза Лесич.

– Я спрашиваю: был ли ты солдатом, старик? – не резко, но достаточно твердо переспросил Штубер.

– А, солдатом... – задумчиво повторил Лесич. – Мне семьдесят пять лет. Но когда-то служил. В царской. В Первую мировую.

– Все офицеры царской, естественно, были негодьями?.. Надеюсь, большевики сумели убедить тебя в этом?

– Там были разные офицеры, – пожал плечами старик. – Уж где-где, а на фронте повидал.

«А держится он в свои семьдесят пять неплохо, – подумал Штубер, наблюдая за выражением его морщинистого лица, – волевой и, пожалуй, довольно неглупый человек. Такого следует использовать».

– Тогда ты, наверное, согласишься, что и в нашей армии тоже есть разные офицеры? Как и во всех армиях мира. Стало быть, есть офицеры, на слово которых можно положиться.

– Оно-то так. Да только пули у всех у вас одинаковые. Свинцовые.

– Пули... – холодно усмехнулся Штубер. – Что ты знаешь о пулях, старик? Не пригласи я тебя сюда, быть бы тебе сейчас в гестапо. А там пулю выпрашивают, как милость Божью. Потому что к ней нужно пройти через ад. Но я не требую благодарности. Я пригласил тебя как старого солдата. Но хочу, чтобы ты тоже не забывал, что перед тобой офицер. Ты хорошо знаком с Беркутом?

– Да, – мрачно ответил старик. – Но где он сейчас – этого я не знаю.

– Допустим... Не бойся, я не стану требовать, чтобы ты вел нас на его базу. Хотя в гестапо ты заговорил бы и о ней. Как думаешь: Беркут из кадровых?

– Он никогда не рассказывал о себе.

– Но ведь ты же опытный солдат. Неужели не сумел различить в нем кадрового офицера? Не поверю в это.

– Знаю только, что это настоящий фронтовой офицер.

– Фамилии своей отцовской он не называл?

– Нет.

– И правильно делал. А не говорил ли тебе когда-нибудь Беркут о том, что в 41#м он был комендантом одного из дотов?

Старик удивленно посмотрел на Штубера и покачал головой.

«Врет, – понял Штубер. – О доте вспоминал. Значит, это тот самый... Громов. Неужели он? – Сначала Штубер считал, что это кто-то из окруженцев, узнав о подвиге Громова – Беркута, присвоил себе его кличку. Чтобы воспользоваться славой. Но внешность, внешность... Описания полностью совпадают. Неужели он так долго продержался?»

– Слушай меня внимательно. Возьми этот конверт. Он не запечатан. Письмо написано по-русски. – Штубер пододвинул один из двух конвертов к краю стола. – Передашь его Беркуту. Сейчас солдат отвезет тебя домой и оставит там. Как и с помощью кого ты будешь искать Беркута – это твое дело. Уничтожить его и всю группу мы можем и без твоей помощи. Но я хочу поговорить с ним. Не допросить, а всего лишь поговорить. Так и скажи ему. В письме я изложил условия, при которых Беркуту будет гарантирована безопасность. Но все же прошу передать устно: слово офицера, что в день нашей встречи ни один волос с его головы не упадет. Если Беркут захочет выдвинуть свои условия, пусть изложит их в записке. Ты вручишь ее часовому у ворот. Впрочем, это может сделать и кто-либо из людей Беркута. Часовые будут предупреждены. Когда поручение будет выполнено, ты должен исчезнуть из этих мест. Если вернешься домой – безопасность не гарантирую.

– Вы на самом деле отпустите меня?

В устах седовласого человека вопрос этот показался Штуберу до смешного наивным. Впрочем, состояние старика можно понять: кто на его месте поверил бы в такое милосердие?

– Бери письмо и иди. У ворот ждет машина. Солдат проводит тебя и выдаст соответствующий документ. В течение десяти суток эта бумажка будет пропуском через любые заслоны. В течение десяти. Все. Ты свободен, старик. Помолись за человека, который подарил тебе по крайней мере десять дней жизни. Иногда на это не способен даже Господь Бог.

Лесич шагнул к выходу, но гауптштурмфюрер остановил его.

– На допросах ты утверждал, будто у Беркута есть ординарец? И они даже немного похожи. Так, может быть, в большинстве операций участвует не Беркут, а тот, другой?

– Нет, Беркут, только Беркут, – уверенно ответил старик. – Храбрый он солдат, вот что я тебе по-солдатски скажу. У меня два Георгиевских креста, и я знаю, о чем говорю. Тот, другой, он помельче, поосторожнее. Ему прикажи – он выполнит. А чтобы самому... чтобы задумать что-нибудь такое...

– Я понял тебя. Узнал немного, но, очевидно, больше ты и не знаешь.

* * *

Когда старик ушел, Штубер снял китель, прилег на топчан и попытался еще раз прокрутить весь план операции.

Успех зависел от того, поверит ли Беркут его слову. Штубер внимательно ознакомился со всеми донесениями, имевшими отношение к деятельности группы Беркута, начиная с осени прошлого года. А также со всем, что касается личности самого Беркута. Спецслужбы рейха многое теряют оттого, что не привлекают таких людей на свою сторону. Особенно выходцев из славянских стран. Вот и получается, что используют в основном тех, кто изменил воинской присяге не из идейных соображений, а, как правило, из трусости. Отсюда и результат.

Конечно же, он не уверен, что на этот раз Беркута сразу же удастся завербовать. Ведь не удалось же сделать это в июле сорок первого. Но попытаться все же необходимо. Прошло время. Война затянулась... У Беркута было время подумать. Да, он будет подбирать для работы на Украине только таких агентов. Как это делает Отто Скорцени. Тем более что именно Скорцени рекомендовал высокому начальству еще раз направить Штубера сюда, за Днестр, в район, где намечалась временная фронтовая ставка Гитлера. По замыслу Отто, Вилли Штубер должен был воссоздать свой специальный отряд по борьбе с партизанами и

агентурой русских непосредственно в лесах. Борьба с партизанами партизанскими методами – вот в чем была идея создания отряда, который практически никому не подчинялся на этой оккупированной территории, пользуясь в то же время полнейшей поддержкой абвера, гестапо, сигуранцы, полевой жандармерии, полиции и местных военных комендатур.

Кроме того, Скорцени считал, что именно здесь, на востоке, его люди – Штубер, Зебольд и Лансберг – еще раз смогут получить истинную закалку, которая в будущем им очень и очень пригодится. Ему, Скорцени, естественно, тоже. Еще не обладая никакой реальной властью в рейхе, Отто тем не менее старался повсюду внедрять своих людей. Проталкивал их, пристраивал, до поры до времени «консервировал»... Он ждал своего часа.

Да, Беркут нужен был Штуберу только живым. Нет уверенности, что тот согласится служить в его отряде. Но шанс... Шанс появился. Штубер усматривал его в бесшабашности самой натуры лейтенанта. По опыту знал, что для людей с таким характером, как у Беркута, главное – самоутвердиться в бою, познавать цену риска, испытывать судьбу. Однако что выгоднее – рисковать и выкладываться на операциях, не извлекая из этого никакой выгоды, или делать то же самое, получая награды, повышения в чине и все остальные радости жизни? Короткой жизни. У таких людей, как они, долгой она не бывает. Миг. Вспышка. Но зато какая вспышка!..

Штубер твердо верил, что каждая нация рождает людей, призвание которых – риск, игра со смертью, отчаяннейшие попытки испытать свои настоящие возможности. Таких людей немного. Но они существуют. И им необходимо каким-то образом объединяться. Или, по крайней мере, поддерживать контакты, постепенно формируя свой, особый, кодекс чести, свой образ существования, свои взгляды на него...

Гауптштурмфюрер был убежден, что будущее не за какой-либо отдельной нацией, как это считал Гитлер. Объявить высшей одну нацию – значит настроить против себя весь остальной мир. Что, собственно, и произошло. Грядущее же – за межнациональной элитой преданных идее национал-социализма, особо – физически и морально – подготовленных людей. Которых он даже не стал бы называть сверхчеловеками. Просто особо, специально подготовленные люди. Именно таких людей собирал вокруг себя и готовил Скорцени. Правда, он делал это из преданности фюреру. Во всяком случае, пока... Штубер же такой преданности Гитлеру не ощущал. Он признавал лишь сверх-идею.

3

Утром в лагерь Беркута, находившийся в урочище Мариши, вернулся из разведки Иван Колар. Завидев его, Беркут (он как раз учил бойцов снимать часовых – это была одна из ежедневных тренировок группы) жестом приказал Николаю Крамарчуку продолжать занятия без него.

– Докладывай. Только не торопясь, основательно, – попросил Колара, отводя его в сторону.

– Удалось побеседовать с женой брата Лесича. Мальчишка сказал правду. Все подтвердилось. Старика взяли, и, говорят, сейчас он в Подольске, в гестапо. Я следил за его домом до полуночи. В соседней хате – через дорогу – засада. Три полиция. Ждут, когда ты решишься навестить старика.

– А в самой хате Лесича?

– Да вроде никого. На дверях замок. Во дворе тихо.

– Ну что ж, если ждут – придется навестить. Так, говоришь, их там всего трое? – задумчиво переспросил Беркут, разглядывая мокрую, измазанную глиной одежду разведчика.

– Не огорчайся: после первого же выстрела поднимут по тревоге полицейскую управу в селе. Да и от местечка всего-то километра два. Не зря шоссе возле села всю ночь патрулировали полиция и полевые жандармы на мотоциклах.

– И что ты предлагаешь?

– Лесич не выдержит. Слишком стар. А ему известно, что лагерь наш здесь, в Маришах.

Нужно поскорее менять базу.

– Божественная мысль. А куда уходить? Ты же знаешь эти места лучше всех нас.

– Надо подумать. Наверное, подальше отсюда. Лучше всего – в Градчанский лес.

Беркут положил руку ему на плечо, потряс, словно призывал к более дельной фантазии.

– В Градчанском действует отряд Иванюка. Большой отряд. Там и без нас тесно. Словом, действительно надо хорошо подумать. А пока свободен. Поешь и отдохай.

«Стало быть, фашисты каким-то образом пронюхали, кто выручал тебя этой зимой... – Беркут устало потер пальцами виски, подошел к ручейку, лег и окунул лицо в прохладную воду, пахнущую сосновой хвоей и прелой прошлогодней листвой. – Он выручал тебя, а теперь сам ждет смерти. Из-за тебя. Несправедливо... Старый солдат, георгиевский кавалер... Интересно, как он держится? Снилось ли ему, что в семьдесят пять придется умирать по-солдатски?»

Еще тогда, зимой, Беркут несколько раз предупреждал старика, чтобы он знал, чем рискует, если о его связях с партизанами станет известно фашистам. Поначалу Лесич все отшучивался. Но однажды не выдержал: «Знаешь, почему меня считали самым храбрым разведчиком в полку? – негромко спросил он. – Потому что я очень боялся смерти. Настолько боялся ее, что умудрялся возвращаться даже из тех вылазок, во время которых все, кто был со мной, гибли».

Мудро говорил старик. Мудрее не скажешь. Он, Андрей Громов, тоже боится смерти. До такой степени боится, что Крамарчук уже давно считает его человеком без нервов. Хотя Николай сам способен поразить своим мужеством кого угодно. Впрочем, речь сейчас не об этом. Он старался быть честным в отношении георгиевского кавалера. Откровенно говорил о смертельном риске. От этого Лесичу, ясное дело, не легче. Но все же Громову хотелось, чтобы старик помнил об этом и не так проклинал его, ожидая своего смертного часа.

Ну а что касается Крамарчука... В последнее время Громов стал замечать, что сержант копирует его: в жестах, манере говорить, приказывать, даже в улыбке. Неужели таким образом пытается постичь секрет его бесстрашия? Хотя какое тут, к черту, бесстрашие? Так уж

сложилась судьба, что он привык к риску, к опасности, научился сдерживать свои чувства. А возможно, это у него в крови. Наследственное, что ли.

Дед его вполне серьезно утверждал, что один из древнего казацкого рода Громовых даже участвовал в основании Запорожской Сечи. Кстати, фамилия прадеда Андрея еще звучала на украинский лад – Грим. Это уже дед, ставший офицером царской армии, был записан Громовым. При присвоении ему за особую храбрость чина прапорщика. И что обладал этот их запорожский предок необыкновенной силой и был удивительно мудр и везуч. Не зря легенды о нем передавались из поколения в поколение. А другой, более близкий предок, полковник Северин Грим, привел свой казачий полк на маньчжурскую границу уже после упразднения Сечи – охранять берега Российской империи. Рассказывали, что рубился он двумя саблями, стоя в стременах и затиснув поводья в зубах, и что правой отсекал до седла, а левой – до пояса. Легенда, пожалуй... Но не слишком ли много легенд для одного рода?

Вот только до обидного нелегандарной получилась гибель полковника Грома во время одной стычки на границе. Мелкой, бессмысленной стычки, в которую полковник мог бы и не ввязываться. Впрочем, редко кто из мужчин рода Громовых умирал своей смертью. В основном все погибали в боях и схватках. Тем не менее деду его повезло – все-таки дожил до старости. Правда, сам он не очень-то радовался своему нечаянному долгожительству. Однако это уже другое дело. Ему, Андрею, этого деда сам Бог послал. Мать умерла, когда Андрею было всего семь лет, и отец, командир Красной армии, прошедший всю свою молодость по гарнизонам Дальнего Востока и Сибири, отдал его на попечение деду. Но поскольку сам дед тоже жил в своем домике на окраине Хабаровска жизнью одинокого отставного офицера, воспитанием Андрея, в сущности, занимались соседи – чета немцев-интернационалистов.

Иногда Андрею казалось, что именно эти двое очень красивых, любящих друг друга людей и были его настоящими родителями. От них он перенял многое: немецкий язык, ставший для него почти родным, сдержанность, суровость характера, истинно прусскую аккуратность и требовательность к себе.

В Гражданскую эти двое, тогда еще жених и невеста, тайком пробрались в Россию, чтобы защищать мировую революцию. Но оказалось, что мировая революция не очень-то нуждается в их яростном энтузиазме. Плохо зная русский язык, а еще хуже – нравы и обычаи пролетарской России, юные интернационалисты попадали из одного кошмарного переплета в другой. И закончилось их «участие в революции» тем, чем, очевидно, и должно было закончиться. Один из горячегоголовых командиров красного партизанского отряда предал их скорому и несправедному революционному суду, который сам и вершил. Не мудрствуя лукаво он приговорил бывших студентов «как гидру мировой контры» к «пролетарской мести». Как потом популярно объяснил охранявший их в сарае сочувствующий коновод, сам побывавший когда-то в немецком плену, это означало самый обычный расстрел на рассвете.

Однако ночью село захватили белогвардейцы. И утром уже самого командира, на коленях умолявшего подарить ему жизнь, расстреляли «как гидру мирового большевизма», а супругов Штиммеров, которые честно сознались, каким образом они попали в отряд, спас юный подпоручик, отпрыск немецких баронов. Он приказал высечь своих земляков плетками и отправить ближайшим поездом «в сторону Сибири», посоветовав при этом начинать свою пролетарскую революцию с Чукотки, ибо тамошнему населению эта «классовая дикость» будет куда понятнее, чем европейцам.

Вот эти люди, преподававшие немецкий язык в школе, где учился Андрей Громов, и взялись за его «классическое немецкое образование», втайне надеясь, что старик скоро умрет, отец погибнет и они, бездетные, усыновят мальчика. Но, как назло, старик умирать не спешил, а к «классическому» образованию внука относился довольно скептически. На летние каникулы он специально отправлял Андрея в соседнюю таежную деревню к своему

давнему другу, охотнику и врачевателю китайцу Дзяню, чтобы тот выбивал из него «гимназическую смуть» и «воспитывал, как и подобает воспитывать будущего офицера».

У Дзяня Андрею жилось нелегко. Хотя тот никогда и не наказывал его, однако по натуре своей был человеком крайне жестким, не признающим ни слабостей человеческих, ни снисхождения к ним. Строго придерживаясь аскетического образа жизни, он упорно требовал того же от юного Громова.

Когда Андрею исполнилось двенадцать, Дзянь впервые на целый месяц взял его с собой в тайгу, приучая к невзгодам охотничьей жизни. Охотничье житье-бытье совершенно не привлекало Андрея. Хотя и дало ему, как он сейчас понимает, немало. Куда больше интересовали его приемы японской борьбы, которой Дзянь фанатично увлекался с раннего детства. Своим фанатизмом он сумел заразить и Андрея. Каждый день в любую погоду они с Дзянем отрабатывали эти приемы в тайге на берегу речки. Два часа утром и два – в закатную пору.

Дзянь даже как-то сказал деду, что его поражает способность парнишки постигать великую истину приема и что со временем Андрей сможет встречаться с известными японскими мастерами дзюдо и джиу-джитсу. Вот только подготовить его к этому не успел. Случилось так, что однажды Дзянь не вернулся с охоты. При встрече с уссурийским тигром-людоедом, которого Дзяня попросили убить, у него отказало ружье. Невольным свидетелем его гибели стал один беглый заключенный. Потом, на допросе, он рассказывал, что, уклонившись во время первого прыжка, охотник еще яростно отбивался прикладом ружья и всяческими приемами. Беглец был безоружным и наблюдал за этим странным поединком, спрятавшись в каменных россыпях.

Потосковав несколько дней, Андрей наведился к младшему брату Дзяня и попросил: «Возьмите меня к себе учеником». Линь, конечно, уступал своему брату по технике исполнения приемов. Зато он сумел создать для Андрея настоящую самурайскую программу, отобрав приемы, наиболее важные для солдата...

– Так что, командир, будем готовить новую операцию? – задумавшись, Беркут не заметил, что, перепрыгнув ручей, Крамарчук уже стоял в двух шагах от него.

– Непременно. Причем готовить очень тщательно.

– Неужели пойдем освобождать Лесича? Так ведь не освободим. К нему и с сотней не пробиться. Это же гестапо.

– Вот именно, гестапо... – процедил Беркут сквозь зубы. – Слишком испуганно ты говоришь о нем.

– Разве что сумеешь придумать что-нибудь такое... – передернул плечами Крамарчук. – По правде говоря, до сих пор нам везло.

– Нужно выяснить, что с Лесичем. Где он и что с ним. А гестаповцы должны понять, что в засаде следует оставлять не троих, а по крайней мере три десятка. И не вонючих полицейских, а эсэсовцев. Предупреди Костенко, Готванюка, Корнева, Мазовецкого и Колара, что после обеда выступаем. Мазовецкий должен быть в мундире вермахтовского унтера. Остальные – в форме полиции.

– Но ведь пойдет нас только семеро. Да и группа наша... Давно могли бы собрать большой отряд. Почему мы всех отсылаем к Иванюку? Был бы свой отряд – ударили бы не то что по засаде, а даже по гарнизону Подольска.

– Так ты ничего и не понял, – покачал головой Беркут... – Наше преимущество именно в том и заключается, что нас маловато для того, чтобы вызывать на себя большие карательные экспедиции. А бьем фашистов не хуже, чем отряд Иванюка.

4

Под вечер в один из дворов на окраине Залешиков вошел оберштурмфюрер СС.

– Осмотреть, – приказал по-немецки унтер-офицеру и сопровождавшим его полицейским.

Те бросились в хату и через несколько минут вытолкали на крыльцо троих основательно подвыпивших полицаев. Уже без оружия и ремней.

– Что за войско? – властно спросил офицер по-русски, но с явным немецким акцентом, окидывая полицаев презрительным взглядом.

– Приказано вести наблюдение за соседним домом, господин офицер, – вытянулся старший среди них, одергивая измятый френч. – Хозяин водился с партизанским главарем. Его арестовали, а мы ждем, когда из леса заявится сам этот бандюга.

– И кто же его арестовал? – кивнул эсэсовец в сторону усадьбы Лесича.

– Гестапо, господин офицер.

– А почему решили, что он связан с партизанами? Насколько известно нам, службе безопасности, он поставлял ценные сведения о большевистском подполье в этом селе и в Подольске.

– Так ведь есть донесение агента гестапо, господин офицер.

– Агента? Фамилия? И почему об этом донесении известно вам, полицейскому?

– Так агент же из наших, местных, – пожал плечами старший. – Кравчук его фамилия. До войны в Подольске работал. На железной дороге. Хата его – у левад, около сгоревшей мельницы. Только, господин офицер... – замялся полицаи. – Обо всем этом намного лучше знает староста. А я... я так, случайно... Слышал, как разговаривали господа из гестапо. Немного понимаю немецкий.

– Черт знает, что здесь творится, – проворчал оберштурмфюрер, обращаясь к унтер-офицеру. – Лесич – наш агент. И он нам срочно нужен. Слушайте, вы... – вновь презрительно оглядел полицаев. – Если окажется, что Лесича арестовало не гестапо, а уничтожили вы, переодетые партизаны, мне придется повесить всех вас за ноги. Кстати, где хозяин этой хаты?

Двое полицейских из сопровождения оберштурмфюрера услужливо вытолкали на крыльцо пожилого человека на деревяшке. Беркут знал его: Иван Княжнюк. Не раз видел этого старика на подворье, когда ночевал у Лесича.

– Хозяина связать, – приказал. – Этих троих – в сарай. До выяснения личностей. Когда вас должны сменить? – спросил у старшего.

– После захода солнца.

– Вот тогда и освободим.

Полицаи не могли понять, в какой переплет они попали из-за ошибки гестаповцев, и покорно зашли в сарай. Их сопровождал лишь унтер-офицер. А через несколько минут оттуда донеслись три негромких пистолетных выстрела и крики гибнущих людей. Когда все затихло, унтер-офицер вернулся к эсэсовцу.

– Хозяина тоже туда, – приказал оберштурмфюрер по-немецки. Старик все еще не узнавал его. – Общество не из приятных, но терпит. Терпение – ворота в рай.

Лицо Княжнюка посерело от страха, и он уже не мог сам дойти до сарая. Мазовецкому и Крамарчуку пришлось чуть ли не вносить его туда.

Но перед самой дверью старик все-таки сумел разглядеть лицо Крамарчука.

– Ведь ты же Беркут, – прошептал он побелевшими губами. – Я узнал тебя. Ты – из леса. Партизан. Беркут.

– Точно, дед, я действительно Беркут, – не растерялся Николай. – Однако лучше не узнавай меня. Во спасение души. Здесь был эсэсовец, который приказал расстрелять полицаев, приняв их за переодетых партизан, – вот все, что ты знаешь. Руки пусть пока будут связаны. Дождись кого-нибудь из немцев или полицаев. Тебе понадобится надежный свидетель.

Когда Крамарчук вернулся, Беркут приказал ему и Корневу немедленно навестить Кравчука.

– Пойдете лесом. В селе видеть вас не должны. И судите его тихо, но беспощадно. Ты все понял? – спросил у сержанта, зная, что любую, даже самую незначительную операцию тот всегда готов «слегка приукрасить». Удивительное дело – этот человек отговаривает его от каждой рискованной операции, а потом, выполняя ее, начинает вытворять черт знает что. – Тем временем ты, Колар, проберешься к хате Лесича и осторожноенько выведаешь, что там происходит. Если в хате никто не пьянствует, спрячься где-нибудь во дворе. На всякий случай. А господин унтер-офицер остается на месте, – шутливо обратился к Мазовецкому, – любит пейзажем и не забывает поглядывать на шоссе. Ты, Костенко, побудь за сараем. Готванюк – со мной в хату. Если подойдет смена, – обратился к Владиславу, – пропустишь. Скажешь, что полицаи, мол, пьют с господином эсэсовским офицером.

Поляк одобрительно кивнул и улыбнулся. Он единственный в группе, кроме Беркута, кто хорошо знал немецкий, потому что рос в селе, где жили немецкие колонисты, а кроме того, интенсивно изучал его, когда готовился к профессии разведчика. Мазовецкий был польским офицером. После оккупации Польши фашистами он, вместе с несколькими другими офицерами, сумел пробраться через Скандинавские страны в Англию. А прошлой весной, после соответствующей подготовки, его и еще двоих парашютистов англичане забросили на территорию Польши, вблизи от границы с Советским Союзом. Кто знает, как сложилась бы судьба Мазовецкого, если бы хозяин квартиры, где парашютисты должны были некоторое время скрываться, не оказался предателем. Двоих товарищей Владислава гестапо расстреляло, а его привезли во Львов и там попытались завербовать, чтобы потом заслать в отряд польских партизан.

Вербовка абверу «удалась». Поручик Мазовецкий дал согласие и был направлен в специальный учебный лагерь в Карпатах, но при первой же возможности бежал оттуда. Побег оказался трудным: Владислав несколько раз попадал в облавы и только чудом, уже раненый, сумел добраться до Подольска, где жила его дальняя родственница. Она-то и помогла несостоявшемуся разведчику связаться сначала с Лесичем, а потом, через него, с партизанами-беркутовцами.

Беркут тогда не сразу поверил ему. При первой же встрече с поручиком он рассказал о встрече с майором Поморским и его группой и был очень удивлен, что Мазовецкий ничего не слышал ни о Казимире, ни о Залевском. Хотя Владислав с товарищами должен был совершить рейд от польской границы до Подольска, так сказать, по «старым польским землям». Ему казалось невероятным, что группе Мазовецкого не дали пароль для встречи с Поморским или Залевским.

Владислав прислонился к плетню, закурил и стал наблюдать за улицей и частью проходившей невдалеке дороги. Пока там было подозрительно спокойно. Лишь однажды нервно протарахтела одинокая повозка, а через несколько минут прогремела машина, после которой еще долго не улеглось облако пыли.

Тем временем Беркут и Готванюк вошли в хату. На столе стояла недопитая бутылка самогона и лежали две банки немецких консервов. Готванюк взялся было за бутылку, но Беркут остановил его:

– Не время. Ничего не трогать. Стань у окна, чтобы мог видеть дорогу.

Сам уселся на скамье у печи, обвел взглядом изрядно запущенную хату Княжнюка, уже несколько месяцев не знавшую женских рук (Беркут слышал от Лесича, что хозяйка

умерла под самый Новый год), и устало закрыл глаза. Раньше чем через час смена полицейам не заявится – значит, можно чуток вздремнуть.

Прошло минут пятнадцать. Лучи предзакатного солнца окрасили багрянцем окна. В комнате воцарился полумрак. Готванюк сидел у окна, упершись локтями в подоконник и, раскачиваясь из стороны в сторону, то ли бессловесно тужил, то ли что-то напевал про себя.

Прислонившись к стене, Беркут задремал. Но очень скоро его разбудил крик Готванюка:

– Командир, швабы!

– Давно пора, – с сонным спокойствием отозвался Беркут. – Сколько их?

– Откуда ж я знаю?! Машина у них крытая. Вон, точно, сюда едет!

– Всего лишь одна машина? – удивленно уточнил Беркут, не спеша поднимаясь. – Рискованно. Ну ладно. Во двор. Держись свободнее. Стрелять только в крайнем случае.

Мазовецкий услышал рокот мотора еще раньше их и, поудобнее пристроив на плетне перед собой шмайсер, приготовил гранату. Затем краем глаза проследил, как, выскочив из-за сарая, залег за поленницей, поближе к воротам, Костенко.

А вот и «оберштурмфюрер». Подошел к калитке, расстегнул кобуру и, вынув из кармана пачку немецких сигарет, принялся угощать его, «унтер-офицера». Эту сцену и увидел из кабины немецкий ефрейтор, когда его машина остановилась возле усадьбы Лесича. Еще через мгновение из кузова выпрыгнул рядовой вермахтовец, а за ним и сам хозяин усадьбы.

Беркут и Мазовецкий недоуменно переглянулись. Появление здесь Лесича было или подарком судьбы, или черной вестью о хорошо продуманной немцами операции. Случайность казалась невероятной. Как истинный служака, ефрейтор вышел из кабины и, став по стойке смирно, отдал им честь.

– Возьмешь солдата, – вполголоса бросил Беркут Готванюку. – А ты, унтер, – водителя. Живым.

5

Крамарчук и Корнев добрались до усадьбы Кравчука примерно за полчаса. К хате скрытно подходили по пологому подковообразному склону возвышенности, щедро поросшей травой и мелким кустарником. Весь этот уголок села был необычайно красив, и Николаю даже стало досадно, что такому негодяю выпало жить среди такой удивительно живописной природы.

– Ты мне одно скажи: как, живя в этом раю, можно было продавать людские души? – словно бы угадал его мысли Корнев.

– В раю их в основном и продают, – проворчал Николай. – Главное, чтобы больше он этим раем не любовался. Беспощадно, но справедливо, как любит говорить Беркут.

Они залегли за кустами малины и несколько минут наблюдали за подворьем, на котором хозяйничала не в меру расплывшая женщина лет сорока – сорока пяти.

– Только бы эта лахудра шума не подняла, – вздохнул Корнев. – Иначе придется...

– Не придется, – резко оборвал его Крамарчук. – Не трогать. И так Богом обижена.

Выждав еще минутку, он вышел из-за кустов и, так ничего и не объяснив товарищу, не спеша, как бы прогуливаясь, направился по тропинке во двор. Еще не уловив его замысла, Корнев тем не менее тоже, не колеблясь, поднялся и пошел следом.

Увидев их, женщина на какое-то мгновение застыла с миской в руках, из которой кормила кур. По мере того как эти двое приближались к ней, женщина все больше съеживалась, делалась мельче и неприметнее, словно надеялась остаться незамеченной.

– Бог в помощь, хозяйюшка, – почти приветливо поздоровался Николай. – Господин Кравчук здесь проживает?

– Здесь, – испуганно сказала она. – Ефим, к тебе! – добавила неожиданно тонким голоском.

– Кто? – сразу же появился на пороге хозяин. Он был в штатском, но из-за пояса брюк выглядывала рукоятка пистолета, которую он небрежно прикрывал ладонью.

– Почет и уважение, господин Кравчук. Из Подольска мы, из полиции. Срочное дело, – не сводя глаз с пистолета, уверенно шел на него Крамарчук. – Есть приказ шефа гестапо...

– Кого, кого?! – недоверчиво переспросил Кравчук, ступая ему навстречу. Это был приземистый мужичок лет пятидесяти, с обвисшими плечами и землистым лицом. Под вышитой, посеревшей от пыли и пота рубахой, словно ворованная тыква, несуразно выпирал живот.

– Шефа гестапо, – уже более сухо повторил Крамарчук, ощущая в слишком пристальном взгляде агента воинственное недоверие. – Мы от него. Однако хотелось бы поговорить без хозяйки, – взглянул на женщину. – В доме что, гости?

– Нет там никого, – ответил Кравчук и так же пристально посмотрел на Корнева, который уже стоял чуть позади Николая. – Вас тоже не ждали. Но коль уже во дворе... то прошу, прошу... – заулыбался Кравчук и вдруг, не переставая улыбаться, схватился за пистолет. Выстрелить он все же сумел, однако Николай успел отбить руку и, выхватив из-за пояса нож, ударил Кравчука в грудь.

– Беркут! Беркут!.. – прорычал Кравчук. – Я почув...

Следующий удар ножом заставил его умолкнуть навсегда. Однако сразу же ойкнула и запричитала женщина. Запричитала на удивление тихо, будто не желала, чтобы кто-либо из соседей узнал о том, что здесь происходит.

Стараясь не обращать на нее внимания, Крамарчук подобрал с земли пистолет и только теперь вдруг заметил, что Корнев почему-то медленно оседает на траву. Тихо, без стопа, зажав невидимую на груди рану.

Николай бросился к нему. Успел подхватить под мышки. Нащупал пальцами большое вязкое пятно крови. Но помочь уже ничем не мог.

– Как же это? – растерянно бормотал он. – Как же... это получилось? Ведь все шло так хорошо...

Осторожно положил голову убитого на землю, растерянно оглянулся, как будто надеялся найти кого-то, кто сумел бы объяснить ему происшедшее, и... оцепенел. В двух шагах от него, с занесенным над головой топором стояла Кравчучка, о которой в эти несколько минут он совершенно забыл. Что удержало ее? Какой доли секунды, какой капли решительности не хватило этой отчаявшейся женщине, чтобы ступить еще шаг и зарубить его – этого он уже не поймет никогда. Но не хватило.

Николай оглянулся, взгляды их скрестились, и женщина на мгновение замерла. Она смогла, решила бы ударить сзади, неожиданно, пока не встретилась взглядом со своей жертвой. Однако момент был упущен, и теперь, когда Крамарчук заметил ее...

Все еще не сумев прийти в себя, Николай в каком-то немыслимом прыжке отпрянул в сторону и в следующее мгновение резко ударил женщину ребром ладони по плечу. Зазвенел на камнях топор. Кравчучка вскрикнула от боли, схватилась за плечо и присела. В зеленой кофте и зеленом платке она была похожа на огромную затаившуюся жабу.

Лихорадочно оглядевшись, Николай подхватил сначала свой карабин, потом карабин Корнева. Поблизости никого. Но надо спешить. Если выстрел услышали в селе, то с минуты на минуту здесь могли появиться полицаи.

– А твоего мы казнили, потому что заслужил! – бросил он Кравчучке, спеша к левадам, за которыми начинался лес. – Сама знаешь, что продался гестапо, и знаешь, сколько крови на его совести. – И, словно оправдываясь перед самим собой за случившееся, добавил: – Вот такая она... суровая действительность.

Это «суровая действительность» он позаимствовал у Беркута, но никогда не решался произнести в его присутствии. Да и теперь оно вырвалось само собой.

С вершины холма Николай еще раз оглянулся на усадьбу Кравчука. Там было тихо. Какая-то удивительная тишина воцарилась вокруг. Будто здесь ничего и не произошло, будто не было ни выстрела, ни криков, ни двоих убитых. И не оставался там, во дворе, его товарищ Семен Корнев, вместе с которым воевал и с которым столько раз познавал и страх, и голод, и отчаяние. Оставался теперь уже навечно.

«Да, но почему она не причитает? – вспомнил вдруг о Кравчучке. – Нет, действительно, почему она молчит? Почему не проклиняет меня? Так не должно быть. Каждое убийство должно быть проклято».

6

Как только Лесич ушел, в башне Штубера, служившей одновременно и его жилищем, и штабом отряда, сразу же появился фельдфебель Зебольд.

– Господин гауптштурмфюрер, пленные доставлены. Двенадцать человек. Старались отбирать самых крепких. Из тех, что были под рукой, разумеется.

– И они в состоянии будут выдержать хотя бы полчаса интенсивной тренировки?

– Похоже, что в лагерях для военнопленных кормят несколько хуже, чем в силезских ресторанах, – мрачно заметил Зебольд. – Но парни пока еще свеженькие, большинство должно продержаться.

– Не завидую тому, который достанется вам, – Штубер смерил взглядом огромную гориллоподобную фигуру фельдфебеля и нервно передернул плечами.

– Сегодня в гладиаторских боях я не участвую. Отдыхаю. С вашего позволения, конечно, – спохватился фельдфебель.

– Струсили? Ладно-ладно, этот отдых вы заслужили.

Больше всего Штубера поражали необыкновенной ширины кости этого человекоподобного существа. Казалось, сокрушить их не способна была никакая сила. В последнее время для тренировок он все чаще брал в партнеры именно этого мужлана, и хорошо знал, каких адских усилий стоило порой блокировать его удар или провести прием самому. Что же касается силезских ресторанов, то Зебольд вспомнил о них не случайно. Он происходил из силезских немцев и вплоть до тридцать восьмого года жил в Польше. Именно там его и завербовали для работы в абвере, предвидя в нем великолепного исполнителя диверсионных акций. Выбор был точным. Это был прирожденный террорист. А точнее, просто громила. Не зря, кроме действий против врага, время от времени ему поручали еще одну довольно деликатную миссию, о которой в группе знал только Штубер. В его обязанности входила ликвидация агентов, по каким-либо причинам потерявших доверие руководства немецкой разведки, в частности если возникало устойчивое подозрение, что агент перевербован, проявил слабодушие или просто созрел для явки с повинной.

Однако знал Штубер и о том, что эти деликатные операции требовали необыкновенно аккуратной, «ювелирной» работы, и поручали их профессионалам самой высокой квалификации. А Зебольд к тому же исполнял еще и функции своего рода инспектора. То есть, довольно часто судьба агента зависела исключительно от впечатления, которое он произвел на этого невпечатлительного верзилу.

За несколько месяцев до нападения на Польшу Зебольд, проходивший в секретных донесениях абвера как агент Витовт, оказался в Германии. Здесь он прошел ускоренную подготовку и вскоре был заброшен в Силезию, уже как командир группы парашютистов. За две ночи до начала войны эта группа, как и десятки других, ей подобных, словно смерч прошлась по приграничной полосе, взрывая полотно железной дороги и административные здания, уничтожая все, что попадалось на пути. Именно после этой операции своеобразного польского варианта «хрустальной ночи» его и заметили сначала в абвере, а затем и в отделе диверсий СД Главного управления имперской безопасности.

– Поднимайте рыцарей, фельдфебель, – приказал Штубер. – Тренировку проводить в углу двора, между башней и стеной. Я буду наблюдать за ее ходом из бойницы.

– Слушаюсь, господин гауптштурмфюрер.

– Возле места тренировки поставьте трех солдат с автоматами. На всякий случай.

– Я прослежу. Случаев не будет, – ответил Витовт с угрюмым спокойствием. Когда он говорил в такой манере, мало кому приходило в голову усомниться в его исполнительности, правдивости его слов или верности обещанию. Не говоря уже об осуществлении его угроз.

Зебольд вышел, а Штубер еще с минуту стоял у двери, напряженно прислушиваясь к его шагам. Гауптштурмфюрер понимал, что он, Вилли Штубер, тоже наводит ужас на многих людей, которые оказываются зависимыми от него. Но разве он позволил бы себе признаться кому бы то ни было, что и сам испытывает неизъяснимую волну беспокойства при каждом появлении Витовта? Он и в группу этого фельдфебеля зачислял неохотно, только потому, что не нашел веских причин отказаться от его услуг. Штубер прекрасно понимал, что если в большой игре высоких чинов сам он тоже вдруг окажется лишним, Зебольд немедленно ликвидирует и его. Лучшего палача им просто не найти. И хотя в такой финал своей карьеры Штуберу верить не хотелось, какое-то подсознательное опасение в нем все же прорастало.

Убедившись, что к тренировкам уже все готово, Штубер решил тоже спуститься вниз. Пленные уныло стояли у стены (Зебольд, видимо, специально поставил их так, словно собирался расстреливать, – он любил такие эффекты) и настороженно следили за «рыцарями», которые с автоматами наготове перекрывали выход из крепостного закоулка.

Ни о чем не спрашивая, не делая никаких замечаний, сохраняя абсолютную невозмутимость, гауптштурмфюрер приблизился к отошедшему чуть в сторону от других пленному – коренастому русоголовому парню лет двадцати – и изо всей силы ударил его кулаком в грудь. Тот качнулся, уперся плечами в стену и глухо застонал. Возможно, не столько от боли, сколько от ярости. Но все же сдержался. Выждав несколько секунд, Штубер сделал вид, будто уходит, но, неожиданно развернувшись, так же молча ударил его еще раз. Теперь уже в лицо. Этот удар пленный попытался заблокировать, однако не успел.

«Слишком замедленная реакция, – разочарованно отметил про себя Штубер, – первый признак того, что перед тобой ненадтренированный, плохо обученный даже обычному солдатскому ремеслу окопник». И, не спуская глаз с избранной жертвы, отошел поближе к часовым. Парень недоуменно смотрел на своих товарищей. Несмело, бочком, приближался к ним, словно опасался, что после всего, что произошло, они просто-напросто не примут его в свое, пусть униженное, но все же товарищество. Должно быть, он усмотрел свой проступок в том, что отважился держаться в стороне от остальных.

– Пленные, – обратился к ним Штубер по-русски, – сегодня мы расстреливать вас не будем. Но тогда возникает вопрос: зачем же вас привезли сюда? Согласитесь, что таким молодым людям, как вы, время от времени нужны какие-то развлечения, не правда ли? Так вот, сегодня я даю вам возможность поразвлечься. Сейчас мои парни будут проверять на вас свою физическую подготовку. При этом вы имеете право защищаться всеми возможными способами. Из истории вы знаете о поединках гладиаторов в Древнем Риме. Так вот, считайте себя гладиаторами. Сражайтесь мужественно и смело. И запомните: кто струсит или не продержится хотя бы час – останется у этой стены навсегда.

Гауптштурмфюрер многозначительно посмотрел на Витовта. Тот молча кивнул и приказал солдатам выбирать себе напарников.

– Этого, – показал Штубер на русоголового здоровяка, – использовать не более пятнадцати минут. Он нужен мне свежим.

– Яволь, господин гауптштурмфюрер.

«А что, неплохо звучит – гладиаторы! – думал он, поднимаясь на башню. – В конце концов, все мы здесь гладиаторы. Только вряд ли среди высокородной публики, наблюдающей за нашими боями, найдется хотя бы один человек, который бы жестом холеной руки решил отвести от моего горла меч победителя. На этой арене каждый принимает смерть как заслуженную награду».

Пока денщик, Ганс Крюгер, не принес ужин, Штубер стоял у бойницы, откуда виден был закоулок с «ареной», и наблюдал за тренировкой. Группа его «рыцарей» состояла сейчас в основном из русских и украинских эмигрантов времен Гражданской войны, которые уже по несколько лет были агентами абвера или гестапо. Только шестерых он набрал среди

полицаев и тех, что добровольно сдались в плен. Однако этим людям Штубер пока что не очень-то доверял. Поэтому особенно внимательно приглядывался именно к ним.

Со здоровьем, реакцию которого он только что проверял, сражался сейчас агент по кличке Звонарь. Штубер знал, что он отлично владеет пистолетом и всеми видами холодного оружия. А вот в рукопашной был плох – это стало очевидным сразу. Небольшого роста, худощавый, Звонарь вообще мало походил на человека, уже десяток лет числившегося разведчиком абвера. Тем не менее в штабе Ранке его ценили: хладнокровен, владеет немецким, русским и украинским, легко маскируется под местных крестьян. В то же время в операциях отличается особой жестокостью. Доподлинно известно, что иногда он уничтожал даже женщин, с которыми случалось провести ночь, маниакально не желая оставлять после себя каких-либо свидетелей. В любом деле.

Тем временем Звонарь, используя различные приемы, пытался сбить своего противника с ног, но разозлившийся пленный прижался к стене и упрямо защищался, стараясь достать увертливого агента своими гигантскими кулачищами. Неудивительно, что через две-три минуты их схватка, как и большинство других, уже напоминала драку в пивнушке.

– Фельдфебель! – гаркнул Штубер, у которого, наконец, лопнуло терпение. – Прекратите этот пьянчужный мордобой! Следите за техникой проведения боевых приемов! Если после занятий хоть один из пленных способен будет стоять на ногах, то в дальнейшем технику всех приемов будем отрабатывать лично на вас!

7

– Что за визит? Кого это вы привезли? – шагнул Беркут к ефрейтору. Краем глаза он следил, как Готванюк медленно, чертовски медленно, приближается к стоящим у заднего борта Лесичу и солдату. Старик узнал его. И даже не скрывал этого. Но им обоим повезло: в эти минуты солдат не видел лица арестованного.

– Приказано доставить сюда этого старика, – ответил ефрейтор. – Это его дом, господин оберштурмфюрер СС.

– Кто именно приказал? Теперь гестапо уже само развозит арестованных по домам?

– Приказал гауптштурмфюрер СС Штубер.

– Кто-кто?! – почти изумленно переспросил Громов. – Как вы назвали его фамилию?

– Именно так: Штубер.

– Штубер?! – но, спохватившись, тотчас же пробормотал: – Ах, да-да. Знаю, знаю такого гауптштурмфюрера. Приходилось встречаться.

Тем временем Готванюк уже оказался возле Лесича.

– Что, старик, доигрался? – злорадно усмехнулся он, заглядывая в кузов. Свой карабин Готванюк держал на плече, как дубину. Солдат, конвоировавший старика, что-то буркнул в ответ и нетерпеливо посмотрел на ефрейтора, ожидая приказаний. Этого было достаточно, чтобы Готванюк успел ударить его прикладом по голове. В тот же миг сильнейшим ударом в сонную артерию Беркут сбил с ног ефрейтора и бросился в кабину к водителю.

– Спокойно. Не двигаться! Жить хочешь?

– Да, господин... – водитель хотел оторвать руки от руля, на который прилег отдохнуть, но не смог.

Чуть запоздав, рванул дверцу и Мазовецкий.

– Присмотри за этим! – бросил ему Беркут, оставляя кабину.

Второй удар прикладом солдат, конвоировавший Лесича, получил уже лежа на земле, когда пытался подняться. К тому же Костенко штыком добил ефрейтора и вместе с Коларом тоже подбежал к машине.

– Что произошло? Зачем вас сюда привезли? – взволнованно спросил Беркут у Лесича.

– Куда же еще? Домой ведь.

– Да? Домой? За какие услуги?

Лесич недоумевающе взглянул на Беркута и молча достал из-за пазухи конверт с письмом Штубера.

– Не понял.

– Письмо. От их офицера, – кивнул на ефрейтора, еще дергавшегося в конвульсиях у подножки машины. – Для тебя писано.

– Для меня?! – Беркут повертел конверт в руках, однако вынимать письмо не стал. Для чтения у него просто не было сейчас времени. – Собрать оружие – и в машину, – приказал бойцам. – Вы, отец, тоже с нами.

– Куда с вами? Наездился. Хватит.

– В машину, – не резко, но достаточно твердо приказал Беркут. – Потом поговорим. Все немедленно в машину! Трупы с собой.

Немного потоптавшись, Лесич с тоской взглянул на свой дом, на порог которого так и не ступил, и молча повиновался.

Беркут проследил, чтобы старику помогли забраться в кузов, и сел рядом с водителем.

– Разворачивайся. И помни наш уговор: будешь умным останешься жив.

– Это правда?

Беркут искоса взглянул на него и поиграл на весу пистолетом.

– Вы ведь немец? Разве не так? – с надеждой в голосе спросил солдат. Он был еще совсем юным, вероятно из последнего призыва. Глядя на него, Громов вспомнил водителя той первой вражеской машины, которую он захватил в начале войны. Того он тоже помиловал. И никогда не жалел об этом. Интересно, как сложилась его судьба?

– Да, немец. Разворачивайся. – А когда шофер завел мотор и развернулся, добавил: – Ты что ж, подумал, что оберштурмфюрер СС может оказаться партизаном? Это ваш гауптштурмфюрер Штубер – предатель. Он освободил старика, потому что сам давно снюхался с партизанами. Я – из службы безопасности и получил приказ перехватить вашу машину, а Штубера арестовать. Ефрейтор и солдат, очевидно, тоже предатели.

– Господи, неужели они тоже?

– Это выяснит гестапо. Выезжай на шоссе и двигайся в направлении Подольска.

– Яволь, господин оберштурмфюрер. Я не знаком с господином Штубером. Меня лишь недавно прикомандировали к гарнизону крепости.

– Гарнизону крепости? Какой... крепости?

– Разве вы не знаете? Штубер и весь его отряд располагаются в Подольской крепости. Они там уже несколько недель.

– Да? Ну да, да, конечно, – понял свою ошибку Беркут. – Вижу, ты хороший солдат и лишь поэтому признаюсь тебе: я только что из Берлина. И пока еще не успел толком ознакомиться со здешней обстановкой.

Доехав по шоссе до первого проселка, он приказал водителю свернуть к лесу.

Тот испуганно взглянул на оберштурмфюрера. Успокоенность, появившаяся после обстоятельных объяснений офицера, сразу сменилась подозрением и страхом. Он еще мог как-то объяснить для себя, почему оберштурмфюрер так свободно владеет русским языком – в отряде Штубера тоже было несколько немцев, хорошо говоривших по-русски. Но этот приказ свернуть в лес...

– Не поедem же мы в город с трупами, – снова нетерпеливо объяснил Беркут. – Операция совершенно секретная. Тела придется оставить в лесу. Потом ты повезешь нас в крепость. Там мы арестуем Штубера – и в гестапо. Не исключено, что за эту операцию ты получишь отпуск.

Беркуту хотелось, чтобы водитель вел себя смирно и не мешал ему сосредоточиться. Трупы же в самом деле следовало завезти подальше в лес, присоединив к ним и труп водителя. Таков закон войны.

* * *

Проехав километра два по лесной дороге, Беркут решил остановиться у стоявшего чуть в стороне старого колодца с обвалившимся срубом. Неподалеку отсюда, на склоне балки, его группа заложила в прошлом году свой первый лагерь. Правда, пробыли они там всего месяц, так как вскоре пришлось уходить в глубь леса. Тем не менее он считал эти места чуть ли не родными. Что ни говори, из этих мест они выходили на свои первые операции и сюда же счастливо возвращались... Вот только возвращались, правда, не все.

– Сверни к колодцу, – приказал водителю.

– Яволь, господин оберштурмфюрер, – покорно ответил тот. А когда партизаны спрыгнули с машины, старался держаться поближе к нему. Сейчас он не доверял ни людям в форме полицаев, ни даже унтер-офицеру...

– Колар, отвечаешь за водителя, – приказал Беркут, отходя к срубам. – Мазовецкий, Готванюк и Костенко, похороните убитых. А мы, Клим Васильевич, – обратился к Лесичу, – пока что присядем здесь, на сруб, и прочтем послание твоего добродетеля-эсэсовца. Не так уж часто приходят к нам в лес письма. Особенно из гестапо...

– Да я хоть и не читал, а знаю, о чем там, – проговорил Лесич. – Этот шваб велел передать, что допрашивать тебя не будет, пытать – тоже, просто хочет поговорить. Обещает, что в день переговоров тебя никто не тронет.

– Благородный человек, – иронически ухмыльнулся Беркут, вынимая из кармана письмо.

– Не знаю, какой он там в благородстве своем, но что хитрее всех тех офицеров, которые допрашивали до него, – это ясно. Хитрее, стервец, это я сразу почувствовал.

Послание гауптштурмфюрера Вилли Штубера поразило Андрея. Командир отряда специального назначения «Рыцари Черного леса» (и не побоялся же написать, что такой отряд существует!) приглашает его, Беркута, а также его ординарца в течение ближайших десяти дней посетить крепость для дружеской беседы за рюмкой коньяку! Всего-навсего! Словно бы не было ни войны, ни оккупации, ни партизан. Неприкосновенность личности ему гарантируют словом чести офицера СС. А прибыть господин Беркут «может в любое время. Даже ночью. Часовые будут предупреждены. Паролем будут служить слова: “Я – Беркут”. Пропуском – настоящее письмо».

«Штубер, опять Штубер?! Откуда он взялся?» Неужели водоворотом войны к этому берегу снова прибило того самого Штубера, с которым ему пришлось сразиться возле 120#го дота? А может, это гестапо использует фамилию оберштурмфюрера, чтобы показать, что им обо мне все известно?

– Я тоже не пойму, чего они добиваются, – вздохнул старик. – Да и стоит ли мозги сушить? Порви эту писанину и возвращайся в лагерь.

– Возвратиться мы всегда успеем.

– А ведь, похоже, они о тебе действительно все знают, – развел руками старик, проникнувшись его сомнениями. – И что у меня прятался, и про Крамарчука. И что вы с сержантом похожи между собой. Но только ты мне вот что скажи: как они узнали обо всем этом? Кто вас выследил, кто выдал?

– Кто выследил – это уже не тайна. Кравчук. Тот самый. Из вашего села. Давнишний агент гестапо. Я уже послал ребят, чтобы «отблагодарили» его за услуги фашистам.

– Да ну брось – Кравчук?! Он мне родственником приходится.

– Значит, отныне одним родственником у вас будет меньше. Только сейчас меня интересует не Кравчук, а Штубер. Почему вдруг он решил написать? На что рассчитывает?

– Западня это – вот что я тебе скажу. Схватят и замучают.

– Но ведь почему-то же Штубер уверен, что я могу вот так вот взять и заявиться в крепость... Кстати, много их там, этих самых «Рыцарей Черного леса»?

– Разве сосчитаешь? Видел с десяток. Но всех наверняка с полсотни. Меня привезли из гестапо. Думал, что там, под крепостной стеной, и расстреляют. Даже как-то душевно успокоился. Знаешь, смерть под крепостной стеной – это все же по-солдатски. А то ведь могли и повесить. Как паршивого конокрада.

– Смерть тоже должна быть человеческой, – согласился Беркут. – Кстати, какой из себя этот Штубер?

Лесич, как мог, описал ему внешность ээсовца. И хотя описание это оказалось довольно скудным, лейтенант сразу же признал в нем того офицера, с которым судьба уже не раз сводила его в прошлом.

* * *

Несколько минут Андрей нервно прохаживался взад-вперед по лесной тропинке, размышляя над предложением Штубера. Он понимал, что ээсовец опять попытается завербовать его. Только надежда на то, что удастся завербовать Беркута, могла заставить гаупт-

штурмфюрера написать это письмо и освободить старика. Так что здесь все вроде бы прояснилось. Но Беркуту этого уже было недостаточно. Он хотел, наконец, понять, что за человек сам Штубер. Понять его взгляды, характер. И еще... Это какие же надо иметь полномочия, чтобы для такой незначительной операции, как передача письма, освободить из когтей гестапо человека, помогавшего партизанскому командиру! Может, действительно встретиться с ним и попытаться убедить, что воевать за бредовые идеи Гитлера уже не имеет никакого смысла? Или там же, во время встречи, пристрелить. Слишком уж затянулось это их знакомство. Слишком затянулось.

– Все. Похоронили, – подошел к нему Мазовецкий. – Водителя здесь или?..

– Пока не трогать, – перебил его Беркут.

– А что пишут нам офицеры СС? Приглашают на офицерскую вечеринку? Или сразу же предлагают должности в абвере?

– Ближе к офицерской вечеринке.

– Тогда тебе придется сменить мундир. На парадный.

– Тебе тоже. Мне милостиво разрешают взять с собой ординарца, роль которого мог бы исполнять хотя бы ты. Так что есть реальная возможность наведаться в расположение «Рыцарей Черного леса» – отряда особого назначения.

– Очередная зондеркоманда по борьбе с партизанами, – кивнул Мазовецкий. – Обожают громкие названия: «Викинг», «Мертвая голова»... Пстой-пстой, ты что?.. Ты отважишься на этот визит?

– Почему бы и не отважиться? – резко спросил Беркут. – Почему гауптштурмфюрер, написавший это письмо, допускает такую возможность, а ты нет?

– Потому что гауптштурмфюрер рассчитывает на склонность господина Беркута к всевозможным военным авантюрам... – и, немного помолчав, добавил: – Однако учти, что рассчитывает он на это как на приманку. В данном случае твоя храбрость может оказаться слабостью, которая неминуемо погубит тебя.

– Ну и черт со мной. Поехали.

– Не сходи с ума.

– Трусишь? Не принуждаю.

Завидев Беркута, водитель, стоявший у передка машины, робко отступил к дверце и подобострастно согнулся в полупоклоне. Он понимал, что его жизнь зависит сейчас только от воли оберштурмфюрера.

– Теперь – к крепости. Условия те же: жизнь – за выдержку и мудрость. – Лейтенант уже был уверен, что водитель догадывается, с кем имеет дело. Правда, не может взять в толк, как среди партизан оказался немец, оберштурмфюрер СС, но это не так уж и важно для него. – Садитесь, – приказал своим бойцам.

– Мне тоже? – негромко спросил Лесич.

– Не стоит. Берите карабин и отправляйтесь в лагерь. В Марици, – добавил уже шепотом. – Возле каменных столбов, над ручьем. Дорогу найдете. Пока стемнеет – будете на месте.

– Неужели поедешь к ним? Не делай этого, сынок. И сам пропадешь, и ребят...

– И ребят... – вздохнул Беркут. – Также верно. Вот что: Готванюк и Костенко, проведете Клима Васильевича к лагерю. А вы, Колар и Мазовецкий, – в машину.

Мазовецкий недоверчиво посмотрел на Беркута, сокрушенно покачал головой и пробормотал что-то по-польски.

– Нет, если не хочешь... – начал было Беркут.

– Я – строевой офицер, – с достоинством ответил Мазовецкий. – И не терплю авантюр. Но я перестал бы считать себя офицером, если бы не попытался помочь тебе. Кроме того, я привык исполнять приказы.

– Не авантюра это, Мазовецкий. Просто я не хочу, чтобы этот фашист и его паршивые «рыцари» считали Беркута трусом. Дело тут не во мне, а в легенде о Беркуте и его группе. Легенду нужно уважать. Она – наш союзник.

8

На «арене» между башней и стеной все еще продолжались «бои». Наблюдая за ними, гауптштурмфюрер Штубер открыл для себя, что его «гладиаторы» подготовлены к подобным схваткам намного хуже, чем он предполагал. Очень плохо подготовлены. А в работе, которой им предстоит заниматься, это чревато самыми неприятными последствиями. Вот пленные – те держатся неплохо. Во всяком случае, пока... Хотя с первого взгляда видно, что ни один из них не имеет специальной подготовки. И в лагере для пленных, как верно заметил Зебольд, кормят несколько хуже, чем в силезских ресторанах.

Он специально устраивал эти «гладиаторские бои» с наиболее сильными и выносливыми пленными. Особенно важны они были для немцев. Его солдаты должны почувствовать, осознать, с кем, какими людьми, какими характерами им придется иметь дело. По существу, эти схватки задуманы не столько как физическая тренировка, сколько попытка преодолеть психологический барьер.

Неожиданно ожил телефон. Еще раз взглянув на сцепившихся Звонаря и русоволосого пленного, Штубер подошел к столу и поднял трубку.

– Говорит подполковник Ранке. Как вам живется на лоне природы, господин гауптштурмфюрер? Какие перспективы открываются перед вами из бойниц средневековых башен? Не хотите ли вы?..

– Радужные, господин подполковник, радужные, – раздраженно перебил его Штубер. Он недолюбливал Ранке и не намеревался ни скрывать этого, ни распространяться о пейзажах и своем настроении.

– Вы оптимист, Штубер. А вот в резиденции гауляйтера все еще не могут толком понять, чем мы с вами, собственно, занимаемся, если партизаны окончательно обнаглели и совершенно потеряли чувство страха? И это в районе, где базируется отборный отряд «Рыцарей Черного леса».

Штубер не знал, какого именно мнения о нем в ставке гауляйтера. И не был уверен, что там вообще помнят о существовании такой группы. Однако в том, что Ранке откровенно завидует ему и стремится поскорее выжить из крепости, он не сомневался.

– Мой отряд еще только формируется. Пока что мы ведем специальные тренировки, – напомнил он шефу местного отделения абвера. – Вам отлично известно, что...

– И все же, я думаю, пора ошетиливаться. Вы знаете о том, что в Медоборском лесу появился партизанский отряд «Мститель»? Так вот, за последнее время он практически парализовал весь участок железной дороги от Роставы до Копыля. Отряд пока небольшой, но хорошо наладил связи с подпольными группами окрестных сел.

– Да, это очевидно.

– По нашим данным, отряд создан недавно, всего лишь в феврале – марте. И сейчас активно пополняется. Как и ваша команда, – язвительно уточнил Ранке. – А это, как вы понимаете, благоприятный для нас период. Нужен надежный человек, способный внедриться в подпольную сеть, связанную с отрядом. Это позволит одним ударом...

– Понял, господин подполковник.

– Вот и прекрасно. Только решать нужно срочно. Вы можете назвать такого человека?

Штубер задумался. Кто знает, повезет ли его группе в дальнейшем, а пока что о состоянии ее подготовки будут судить по результатам операции в «Мстителе». «Но кого предложить? Должен быть кто-то из русских... Ворон? Сотник? Ангел?.. – лихорадочно припомнил своих агентов. – Не то, все не то! Разве что Звонарь?.. А что, это кандидатура. Тем более что после сегодняшних “развлечений” он преспокойно сможет выдавать себя за человека,

бежавшего из лагеря военнопленных, из полиции, гестапо – да хоть из ада... Об этом позаботимся».

– Желаете встретиться с ним лично? – спросил Штубер у подполковника, еще не называя кандидата.

– Завтра же, в десять утра. Кто он? Кличка?

– Звонарь.

– Звонарь? Кличка в общем-то знакомая. Сейчас мои люди заглянут в соответствующее досье. Надеюсь, он именно тот человек?

– Полагаю, именно тот. Однако не следует думать, господин подполковник, что я собрал под свои знамена весь цвет немецкой разведки и диверсионных служб.

– Я далек от этой мысли.

– Поэтому остановимся на формуле: даю лучшее из того, что мне досталось. – Штубер специально подчеркнул это, чтобы, в случае провала Звонаря, иметь моральное право не нести слишком суровой ответственности за агента, о котором и сам был невысокого мнения и на которого не слишком полагался. Он ведь и рекомендует этого Звонаря только потому, что под рукой нет никого более стоящего.

9

Отдохнув несколько минут в рощице за селом, Крамарчук быстро проскочил широкую, прорезанную ручьем долину и, осторожно оглядевшись, вошел в лес.

Розовато-седое солнце осталось где-то за холмом, здесь же, на равнине, в лесу, уже царил вечерний сумрак, каждый куст обретал какие-то причудливые, отпугивающие очертания. И небо, бесцветное и холодное, растворялось в хмурых вершинах елей.

Избегая тропинок, он шел напрямик, через заросли и крутые овраги, в которых можно было бы укрыться в случае опасности. Смерть Корнева потрясла сержанта. Федор принял его пулю. Это он должен был погибнуть, он!.. «Что кричал этот предатель? «Беркут»? Почему? Догадался, что мы из группы Беркута? Но ведь все было предусмотрено: и карабины, и полицейские повязки на рукавах...»

И тут он вспомнил Княжнюка, в хате которого была полицейская засада. Там, возле сарая, старик тоже назвал его Беркутом. Точно, он так прямо и сказал: «Ведь ты – Беркут?!» Тогда он решил, что Княжнюк не знает Беркута в лицо, никогда не видел его и лишь случайно догадался, что перед ним партизан. Однако теперь Крамарчук допускал, что всему этому можно найти иное объяснение. Хоть издали, но Княжнюк все же видел Беркута во дворе у Лесича. И, если бы на Беркуте была эсэсовская форма, он сказал бы эти слова ему самому.

Да, к сожалению, командир не учел того обстоятельства, что его, Крамарчука, может подвести внешнее сходство с ним. Впрочем, сам он тоже обязан был предусмотреть такой поворот событий. А коль так – в отряде не должны знать об ошибке Беркута. Пусть для всех остальных останется загадкой, почему Крамарчук схватился за оружие.

Неизвестно, замечал ли это Беркут, но он, Крамарчук, как только мог, поддерживал его авторитет в группе. Это там, в доте, он иногда мог сделать вид, что приказ новоиспеченного лейтенантика для него ничего не значит. А здесь все было искренне. Потому что он искренне удивлялся бесстрашию Беркута, его необъяснимой выдержке, умению рисковать.

Странное дело, иногда ему казалось, что страх перед гибелью, который заставлял содрогаться сейчас миллионы людей, Андрею Громову вообще неведом. Во всяком случае, внешне Беркут никак не проявлял его.

Их встреча тогда, в сорок первом, после гибели Зотова, была недолгой. Выступив ночью в поход к линии фронта, они уже на рассвете нарвались на засаду, встряли в бой и, отходя, потеряли друг друга из виду. При этом Крамарчук был убежден, что Громов погиб вместе с остальными ребятами. Но не прошло и недели, как состоялась его новая встреча с лейтенантом.

Крамарчук и сейчас до мельчайших подробностей помнит тот жестокий бой, когда их, семерых окруженцев (Николай случайно наткнулся на эту группу в лесу), пробивавшихся к своим, обнаружил отряд карателей. Фашисты сразу же вытеснили их из леса и окружили в полуразрушенном доме на окраине хуторка. Сколько они еще смогли бы продержаться тогда? Наверное, считанные минуты. Трое уже погибли. Корнев, Костенко и Бужич хотя и продолжали отстреливаться, но были ранены. Да и оставалось у них всего-то по обойме на винтовку.

Перед последней атакой вермахтовцы дали себе и им небольшую передышку. Заправившись шнапсом, они с издевкой приглашали к себе в гости. «Рус Ваня, сдавайся за стакан водка! – решил доконать их какой-то ротный полиглот. – Убьешь комиссар – два стакан!» А потом, нахохотавшись, пошли в полный рост. Красноармейцы подпускали их поближе, кольцо сужалось... спасения ждать было неоткуда, и вдруг произошло невероятное: буквально за секунду до того, как Николай скомандовал своей группе «Огонь!», – из густых зарослей оврага ударил длинной прицельной очередью ручной пулемет. Он вклинился в

эту военную драму настолько неожиданно, что немцы на какое-то мгновение оцепенели. Этого было достаточно, чтобы пятеро или шестеро из них так и остались лежать возле руин. Остальные залегли и, отстреливаясь, начали отползать к хутору. Но пулеметчик сумел перебежать извилистым оврагом им в тыл и снова открыл огонь, на сей раз пристроив свой пулемет на развилке ветвей старого дуба. И тогда, решив, что их окружают, гитлеровцы не выдержали и врассыпную бросились к лесу.

Воспользовавшись неожиданным прикрытием, Крамарчук и его товарищи тоже отползли за развалины сарая и уже оттуда перебежали в лесок по другую сторону оврага. Через несколько минут их и разыскал там пулеметчик. Только был он уже без пулемета. Через плечо у него висел немецкий автомат, а под мышкой чернел сверток с немецкой формой. К величайшему удивлению Крамарчука, это был его командир.

– Это еще зачем? – поинтересовался Николай, кивнув на сверток. Поинтересовался уже после того, как обнял его, хотя знал, что Громов терпеть не мог сантиментов.

– Тебе бы пора привыкнуть, что мы в тылу врага. И действовать придется, исходя из обстановки, не брезгуя при этом ни формой, ни оружием противника, – суховато, в своей привычной манере, ответил Громов. – А что, из тех твоих ребят?.. – помрачнел он, оглядывая бойцов группы.

– Нет их уже, лейтенант. Такие хлопцы были, такие хлопцы! А кто с вами остался?

– Со мной отошли Готванюк и Литвак.

– Ну?! И оба живы?

– Дожидаются меня в деревне. Надеюсь, дождутся.

Через несколько минут Беркут уже был в форме немецкого унтер-офицера. И хотя мундир оказался несколько тесноватым, все как-то сразу признали в нем «настоящего немца». Есть у него дар перевоплощения, есть.

– Лесок этот небольшой, – чеканил Громов сухим командирским тоном. – Через полчаса фашисты, которых мы отогнали, вернуться с подкреплением и сразу же окружают и прощупают его. Я тут неподалеку говорил с одним стариком. Он сообщил, что километрах в двух отсюда начинается Черный лес. Правда, добираться до него придется через поле, шоссе и железную дорогу. Но выбора у нас нет. Десять минут вам на то, чтобы перевязать друг друга и приготовиться к маршу. Винтовки пока спрячем здесь...

– Что значит «спрячем»? – подозрительно покосился на него худощавый, по-мальчишески вспыльчивый ефрейтор Костенко, которому вся эта история с появлением и исчезновением лейтенанта (вкратце пересказанная Крамарчуком, пока Громов переодевался) жутко не понравилась. – Может, ты прикажешь нам еще и руки поднять?

– Именно это я собираюсь приказать, – твердо, с полным спокойствием ответил Громов. – Вы превратитесь в пленных, которых я буду вести на сборный пункт, в тыл, чтобы сдать. Не волнуйтесь, проведу чисто. Слава Богу, не раз видел, как это делают немцы.

Корнев, Костенко и Бужич растерянно переглянулись. Но и доверия к нему не прибавилось. Что же касается Крамарчука, то, глядя на спокойное, волевое лицо Громова, он впервые за эти четыре недели блужданий по тылам противника почувствовал себя более-менее уверенно. Он понимал, что выходить вот так, без оружия, да еще среди бела дня – огромный риск. Однако только он один знал Громова и поэтому, ни минуты не колеблясь, поддержал командира.

Позже фашисты, сплошным потоком двигавшиеся по шоссе, видели, как рослый, уверенный в себе унтер с засученными рукавами вел четверых пленных красноармейцев. Один – четверых! У кого были фотоаппараты, спешили запечатлеть этот эпизод войны как свидетельство настоящего арийского духа.

Унтер-офицер вел пленных обочиной, на запад, в тыл, чтобы сдать на сборный пункт. Ни в его действиях, ни в поведении испуганных, покорных судьбе русских не было ничего такого, что вызывало бы сомнение.

Подталкивая дулом автомата то одного, то другого «пленника», Беркут просил прикурить у мотоциклистов, охотно отвечал на вопросы какого-то офицера в черном мундире... И Николая поражало, с каким удивительным спокойствием он держался при этом. Что же касается остальных бойцов, то им просто не верилось, что среди измученных, растерянных окруженцев, мечущихся по вражеским тылам в надежде вырваться из этого ада, вдруг может оказаться человек, который хладнокровно общается с врагами, в совершенстве владеет их языком и вообще чувствует себя так, словно воюет в тылу врага по крайней мере два-три года.

* * *

Приметив на другой стороне шоссе разрушенное село, Беркут перегнал своих «пленных» через дорогу и повел к руинам, за которыми, метрах в пятистах, млел под полуденным солнцем спасительный лес. Казалось – все. Теперь уже ничто не сможет помешать им скрыться в чащобе. Однако пройдя еще немного, они увидели в низине за селом подбитый немецкий танк, возле которого копошились двое гитлеровцев.

Вермахтовцы тоже обратили внимание на странную процессию, двигавшуюся почему-то... в сторону леса. Один из танкистов, правда, не придавал этому особого значения и скрылся в башне. Зато второй, офицер, не в меру придирчиво оглядел унтера и пленных и, не задав ни единого вопроса, неожиданно выхватил пистолет.

Крамарчук и его товарищи уже готовы были кинуться врассыпную, полагаясь каждый на свое счастье. Не растерялся лишь Громов. Он гаркнул на них ломаным русским: «Стоять на месте, свиньи!» – подбежал к офицеру и, отдав честь, начал докладывать, что, по приказанию своего командира, ведет расстреливать пленных комиссаров. Подальше от дороги.

Офицер внимательно выслушал его, вроде бы успокоился, но все-таки велел предъявить документы. Громов подал ему какие-то бумаги, однако рассмотреть их офицер не успел. Стоило ему опустить глаза, как Андрей молниеносными ударами в висок и гортань свалил его на землю, мигом обезоружил, вскочил на броню танка и выстрелил во второго фашиста, голова которого как раз показалась над люком. Быстрота, с которой действовал Беркут, казалась сверхъестественной. И когда, собрав последние силы, раненые «пленные» перебежали под прикрытием Беркута и Крамарчука к лесу, даже Костенко, который, как он потом признался, все еще подозревал, что Беркут завербован и подослан фашистами для какой-то хитромудрой провокации, наконец-то поверил ему. Поверил именно лейтенанту, но не в правдоподобность того, что с ним только что произошло. И через несколько часов к ним уже присоединились Литвак и Готванюк.

Так вот и зарождался их небольшой отряд, который и в селах, и в соседних отрядах уже давно называли группой Беркута.

– Тебе бы у него поучиться... У лейтенанта, – посоветовал как-то Крамарчуку Орест Костенко. Он сказал это как бы между прочим, но сержант понял, что Орест и сам старается подражать Громову, да только удается ему это слишком плохо. – Вы-то ведь и похожи друг на друга внешне, словно близнецы. Но только внешне. Характером бы поравняться – другое дело. Характер – это, брат, и есть судьба: тут тебе и сила воли, и доброта или жестокость, и удача.

Эти слова Костенко и стали первым толчком к тому внутреннему самосовершенствованию, которое заставляло теперь Николая внимательно присматриваться ко всему, что делает Беркут, и стараться быть похожим на него. Существовала какая-то неведомая сила, вечно

притягивавшая его к Громову, вынуждавшая преклоняться перед ним, учиться у лейтенанта и даже беззастенчиво подражать. Да и Беркут сдружился с ним намного крепче, чем с остальными бойцами. Это позволяло Николаю время от времени подсаживаться к Громову и, начиная разговор с воспоминаний о днях, проведенных в доте, постепенно расспрашивать, откуда он родом, кто родители, как попал в дот, как научился немецкому языку и приемам борьбы. Так что вскоре он уже знал и о братьях-китайцах, давших Андрею Громову первую охотничью закалку, и о семействе немцев-интернационалистов...

Интересовало все это Крамарчука еще и по той причине, что сам он понятия не имел о том, откуда родом и кто его родители. Подкидыш, детдомовец, человек без роду-племени... Из детдома сбежал после шестого класса. Ездил по городам, перебивался случайными заработками. В Кировограде, на вокзале, судьба свела его с молодым цыганом. Поскольку Николаю было совершенно безразлично, к какому народу причислять себя, он придумал легенду об отце-цыгане, который ушел со своим табором, не зная, что в одном из сел молодая женщина родила ему сына. Родила, подкинула незнакомым людям, а сама бросилась искать своего любимого. Легенда сработала, и молодой цыган привел его в табор.

Там Николая поначалу приняли хорошо. Черноволосый, смуглый, коренастый, он и впрямь мало чем отличался от любого из молодых цыган. Коль уж он не знает – не ведает, кто отец, то почему бы не предположить, что грех этот действительно лежит на одном из ловеласов из их кочующего племени?

Однако вскоре стало ясно, что обычаям цыганским Крамарчук следует крайне неохотно и довольно скоро нажил себе в таборе несколько лютых врагов. К тому же с одним из них пришлось подраться, и кончилось все тем, что как-то на рассвете его разбудил вожак табора, бывший конокрад Вайда. Он вывел Николая за табор и сказал: «Помяни мое слово: не знаю, кто тебя произвел на свет, но настоящим цыганом ты никогда не был и не будешь, потому что душа у тебя хоть и божеская, но не цыганская. И мой тебе совет: исчезни еще до утра. Последнее время в таборе и так беда за бедой. Не хочу, чтобы не сегодня завтра здесь произошло еще и убийство. Бери моего коня и скачи в то село, где тебе приглянулась молодая вдова. Я это приметил. Не бойся, бери в жены. Поверь старому цыгану: не пожалеешь».

«А как же конь? Неужели?..»

«Да что конь?! Не о коне сейчас разговор, отпустишь – и все тут. Дорогу к табору он сам найдет. Верю, что отпустишь. Зачем он тебе?»

Совет был жестоким, как приговор всей его цыганской вольницы, но житейски мудрым. Не пытаясь послушаться его, Крамарчук вскочил на коня и поскакал в степь. А еще через неделю он женился на той самой приглянувшейся ему вдове, на Оляне. Детей у них, правда, не было, однако жили мирно, по-доброму – и до службы Николая в армии, и уже после того, когда он вернулся в село сержантом. Казалось ему тогда, что все в его бытии окончательно сложилось, оформилось и устоялось. Но вот в окрестностях местечка вновь появился табор Вайды, и все устоявшееся в его жизни и взглядах вдруг вскрылось, словно лед на весенней реке. В этот раз в таборе как-то сразу признали его. Были костры, банкеты и пляски. Были советы, гадания и лукавые взгляды молодой цыганки, жених которой погиб от вил хозяина, у которого хотел увести телку – запастись мясом для свадьбы. Но все это продолжалось очень и очень недолго. До тех пор, пока Николай не понял, что мир создал только одну женщину, которая нужна ему. И эта женщина ждала в селе, в построенной им самим хате.

Теперь уже Вайда не хотел отпускать его. В таборе оставалось слишком мало мужчин: одни погибли в драках, другие оказались в тюрьме, третьи умерли от хворей. Крамарчуку даже пригрозили, что не жить ему, если вздумает сбежать. Но звездной июньской ночью, когда табор устроил себе очередное веселье, Николай сумел незаметно увести коня барона, самого быстрого из цыганского табуна, и поскакал в степь, к ближайшему селу. Там, в степи, он и услышал гул первых самолетов, бомбивших железнодорожный мост через реку. Было

это на рассвете 22 июня 1941 года. А дома, вместо того чтобы укорять его, Оляна молча протянула повестку из военкомата.

Так стоит ли удивляться, что он, человек без роду без племени, старался подражать Беркуту? Иногда ему действительно казалось, что Громов – это... он сам. Только уже тот, каким стал бы, если бы судьба его сложилась намного счастливее. А разве он не имеет права на такую судьбу?

* * *

До лагеря Крамарчук успел добраться почти одновременно с Готванюком, Костенко и Лесичем. Но, узнав, куда отправился Беркут, понял, что сегодня ему не повезло вдвойне. Сейчас он должен был вместе с Андреем находиться в крепости, охранять его, рисковать вместе с ним...

Попасть в цитадель он уже, конечно, не сможет – Николай это понимал. Но все же, бегло рассказав Федору Литваку, оставшемуся старшим в лагере, как погиб Корнев, снова отправился к шоссе, чтобы где-то там дожидаться Беркута. «Кто знает, – рассуждал он, – вдруг немцы будут преследовать группу, и тогда мое появление на ночном шоссе окажется таким же спасительным, как когда-то появление пулеметчика Беркута на окраине разрушенного опустевшего хутора?» Где-то в душе ему хотелось, чтобы так оно все и произошло. Чтобы лейтенант тоже почувствовал себя спасенным, а значит, и должником.

10

К крепости лейтенант решил добираться проселочной дорогой, через окраины. Путь этот был намного длиннее, зато казался менее рискованным. Но, как назло, едва партизаны приблизились к пригородному поселку, их остановил патруль полевой жандармерии.

Беркут сразу же вышел из машины. В таких ситуациях он всегда чувствовал себя в кабине слишком неуютно, как в ловушке.

Обойдя передок, Андрей остановился возле жандармского офицера, который уже успел открыть дверцу и приказал водителю предъявить пропуск. Увидев перед собой офицера СС, тот вежливо приветствовал его.

– Служба, господин оберштурмфюрер.

– Все правильно, лейтенант. Делайте свое дело. – Главное, что сейчас волновало его, чтобы водитель не успел сказать чего-нибудь лишнего начальнику патруля. На всякий случай Беркут даже занял такую позицию, чтобы видеть одновременно и водителя, и офицера, и тех двух жандармов, которые уже заглядывали в кузов, требуя документы у Мазовецкого и Колара. Он знал, что бумаги у них надежные – помогли ребята из отряда Иванюка, но все равно нужно быть готовым к любой неожиданности.

– Куда направляетесь, господин оберштурмфюрер? – спросил лейтенант, довольно быстро вернув документы водителю.

– В крепость. В расположение отряда «Рыцарей Черного леса».

– А что, такой отряд существует? – удивился жандарм. – Впервые слышу. Это из солдат СС?

– Да, – сдержанно ответил Беркут. – Кстати, им командует гауптштурмфюрер Штубер. У меня к нему срочное дело. Вы его, конечно, знаете?

– Не знаю, – отрубил жандарм.

– Нужны мои документы?

– Нет необходимости, господин оберштурмфюрер. Да, я вспомнил, в крепости, в цитадели, действительно расположился какой-то отряд. Правда, не слышал, чтобы у него было такое воинственное рыцарское название.

– Похоже, что рыцарство снова входит в моду. Говорят, что и сам Штубер будто бы ведет свой род еще от знатных тевтонских рыцарей.

– Извините, господин оберштурмфюрер, – отковырял лейтенант, давая понять, что проверка закончена. – К родословным я отношусь скептически. Кто может с уверенностью сказать, кем были его предки в каком-то там двенадцатом или четырнадцатом столетии? Все это аристократические бредни. Аристократы выдумывают их, чтобы хоть как-то возвыситься над остальными. Фюрер – не аристократ, а весь мир уже, по существу, стоит перед ним на коленях.

– Фюрера трудно заподозрить в аристократизме, – охотно согласился Беркут.

– Вы не так поняли меня. Я не в том смысле. Он не аристократ по своей родословной. Его аристократизм – это аристократизм духа.

– Вот как?!

– Ничего подозрительного, – доложили жандармы своему офицеру.

– Счастливого пути, господин оберштурмфюрер, – еще раз отдал честь лейтенант. – Не советую выезжать из крепости после захода солнца. Эта дорога небезопасна даже днем.

– Я привык к опасностям, лейтенант, – сухо ответил Беркут, захлопывая дверцу кабины.

Прежде чем тронуться с места, водитель тоскливо посмотрел на жандармов, спокойно отходивших к обочине. Беркут понимал, что в душе этот немец сейчас прокликает его, и

только страх, удушающий страх перед смертью, не позволяет ему выскочить из кабины и броситься под защиту патруля.

Метрах в тридцати от мостика, ведущего к крепостным воротам, Беркут приказал водителю остановиться и развернуть машину.

– Ждать будешь здесь. Когда мы с унтер-офицером вернемся, отвезешь к тому месту, где похоронили убитых. Там мы тебя отпустим. Можешь в этом не сомневаться.

Мазовецкий и Колар уже стояли возле кабины. Они еще не совсем ясно представляли себе, что задумал их командир, и теперь ждали приказа.

– Останешься с водителем в кабине, – сказал Беркут Колару. – Будете ждать меня и «господина унтер-офицера». Из кабины не выходить. При малейшей попытке водителя бежать – стреляй без предупреждения, – последние слова он повторил по-немецки, чтобы понял и водитель. – Кстати, ты, кажется, говорил, что умеешь водить машину.

– Отец был шофером на полуторке... Но прав у меня нет.

– Не волнуйся. Права нам выдаст гестапо. Пока я наношу визит вежливости гаупт-штурмфюреру, разберись, как управлять этой машиной. Только не забывай о водителе.

– Хорошо, командир.

– Если через полчаса не вернемся или не появимся через пять минут после начала стрельбы в крепости – заставишь водителя гнать машину подальше отсюда. Еще лучше – сам садись за руль. Только уже без пассажира.

– Глупости. Возвращаться в лагерь мы будем вместе, – твердо ответил Колар.

11

Едва Штубер успел поужинать, как вошел Зебольд.

– Пленных расстрелять здесь или вывести из крепости?

– Почему обязательно расстреливать? – нахмурился Штубер. – Я что, отдавал такой приказ?

– Нет, такого приказа вы не отдавали. Но ведь...

– Это самые выносливые из пленных. Медицинская комиссия специально отбирала их для работы в Германии. В соответствующих документах они уже числятся в качестве надежной рабочей силы рейха. Кроме того, я обещал коменданту лагеря, что возвращу их. А пока что – тренироваться до полной темноты и полного изнеможения. Я видел, как дерутся наши люди, фельдфебель. Наблюдал это, сгорая от стыда.

– Что вы хотите, господин гауптштурмфюрер? Большинство из них не побывало ни в одном настоящем деле. Жаль, нет ребят, с которыми мы начинали здесь в сорок первом. Не говоря уже о тех, с которыми я развлекался в ночь перед нападением наших войск на Польшу. Но пленных я все-таки советовал бы ликвидировать. Они ведь знают теперь наших людей в лицо. Нам это совсем ни к чему.

– Через два дня они будут в эшелонах, – махнул рукой Штубер. – Я не могу нарушать обещание. Да и риск минимальный.

– Думаю, что отвозить их сейчас в лагерь тоже небезопасно.

– Ах, вот что вас беспокоит! – жестко улыбнулся Штубер. – Их не нужно никуда отвозить, мой фельдфебель. Загоните в подземелье. Заприте. Выставьте надежную охрану. А на рассвете доставите в лагерь. И учтите: я обещал вернуть всех. Если нам понадобятся смертники, комендант немедленно обеспечит ими.

В эту минуту резко зазвонил телефон.

Чтобы не мешать разговору, Зебольд поспешно вышел.

– Господин гауптштурмфюрер, – послышался голос унтер-офицера, старшего поста у крепостных ворот, – к вам хочет пройти господин оберштурмфюрер СС Ольбрехт.

– Ольбрехт? – недоуменно переспросил Штубер. – Никогда не слышал такой фамилии. Откуда он? Как оказался у крепости?

– Сейчас – от шефа местного абвера. А вообще – из ставки гауляйтера. У него к вам важное дело. Документы мы проверили.

– Извинитесь и пропустите.

– Его сопровождает унтер-офицер, – запоздало добавил старший поста.

– Пропустить обоих.

12

До того как на пороге появился неожиданный гость, Штубер успел открыть бутылку коньяку и приготовить рюмки. Он лихорадочно пытался понять причину и цель этого неожиданного визита. Почему Ранке не предупредил его? Разве что Ольбрехт сам просил подполковника не предупреждать? Если он приехал с инспекторской проверкой, такое вполне возможно...

Оберштурмфюрер вошел один, без сопровождающего. Резко откинув одеяло, он остановился на пороге и холодно смерил Штубера острым пронизывающим взглядом.

– Хайль Гитлер! – первым приветствовал его хозяин башни, хотя был старшим по чину. – Рад видеть вас в расположении отряда специального назначения, господин Ольбрехт.

– Я тоже... Рад... Очень.

– Прошу садиться, господин оберштурмфюрер. Разрешите по рюмке коньяку?

– Благодарю, – ответил неожиданный гость. – По рюмке в такой чудесный вечер не мешает.

Пока Штубер наполнял рюмки, Беркут оценивающе разглядывал его. Спортивная фигура, сильные жилистые руки, выразительное волевое лицо... Да, несомненно, это был тот самый офицер, которого он когда-то взял в плен во время боя за мост. Как давно это было! «Странно, что он не узнал меня. Сбил с толку мундир? Впрочем, при свете этой керосинки... Я-то в более выгодном положении – я знал, кого увижу здесь. А ему доложили об Ольбрехте».

– В ставке гауляйтера интересуются, когда вы намереваетесь развернуть активные действия, господин Штубер, – взял он свою рюмку. – И поймите: это не праздное любопытство...

– Ровно два часа назад я говорил об этом с шефом местного отделения абвера подполковником Ранке. Дело в том, что мне нужен еще хотя бы месяц. Завтра, например, намечено впервые выехать в лес, установить там палатки и переночевать. Кому-нибудь это может показаться смешным, но большинство моих людей никогда в жизни и часа не провели в ночном лесу. Кроме того, накапливаем сведения о партизанских отрядах, действующих в радиусе ста километров.

– Сколько же их?

– Активных выявлено три: «Мститель», которым руководит некий Роднин из офицеров-окруженцев; отряд Иванюка – почти полностью состоящий из местного населения. И отряд Кожуха. Этот, последний, базируется вдали от Подольска, и сведений о нем немного.

– Итак, три отряда?... – уточнил гость.

– Существует еще небольшая группа Беркута, весьма нагло действующая чуть ли не на окраинах Подольска. Характер ее полностью пока не выяснен. По данным гестапо, это разведывательно-диверсионная группа, ядро которой составляют профессионалы. Операции они проводят уверенно, идут на любой риск. И хотя значительного ущерба не наносят, однако на настроение местного населения влияют весьма отрицательно.

Беркут вдруг заметил, что эсэсовец смотрит на него несколько высокомерно и даже насмешливо.

«Неужели узнал? Он узнал меня и этот отчет – всего лишь игра? Но зачем она нужна?»

– Благодарю, гауптштурмфюрер. Подполковник Ранке уже дал мне кое-какие сведения о группе Беркута. Кажется, вы не согласны с версией гестапо и абвера относительно ее происхождения, не правда ли? – оберштурмфюрер наконец осушил свою рюмку и поставил ее на стол, но не сел. Оба продолжали стоять.

– Не согласен. Полагаю, имеем дело с непрофессионалами. А гестапо не согласно с этим. Вероятнее всего, в ядре этой группы – два-три отчаянных смельчака, владеющих немецким. Допускаю даже, что их руководитель – подлинный немец. Из местных колонистов, завербованных большевиками. Впервые я столкнулся с ним еще в сорок первом. Тогда он был комендантом одного из дотов Подольского укрепрайона.

– О, значит, вы лично знакомы с Беркутом? Почему же тогда гестапо не верит, что он всего лишь бывший комендант дота?

– Почему же, верит. Но прошло много времени. Там считают, что его успели подготовить в разведшколе и опять забросить сюда. Но я в этом сомневаюсь. Замечу, что фигура весьма неординарная, кем бы он ни оказался на самом деле. Анализируя его операции, действительно легко поверить, что имеешь дело с грамотным, хитрым и хорошо подготовленным диверсантом. Отлично подготовленным. С большой практикой. И очень своеобразным почерком.

– Тем не менее вас это не убеждает, – иронично заключил Беркут. – Почему?

– Потому что по натуре своей он остается обычным партизаном. Ну, еще, как их здесь называют, народным мстителем. История Украины знает много таких народных вождей. Тем не менее я ценю его талант и мужество.

– В гестапо даже утверждают, что вы слишком увлекаетесь подвигами Беркута. Вместо того, чтобы обнаружить базу группы и уничтожить ее.

– Ах, это гестапо... Подозрение – их первая заповедь. Что же касается группы, то операция, собственно, уже началась. Любопытный вариант. Я написал Беркуту письмо и пригласил его сюда.

Ольбрехт в недоумении покачал головой. Он ждал разъяснений.

– Письмо должен передать один из местных крестьян. Бывший связной Беркута.

– Связной согласился сотрудничать с нами?

– Нет. Все несколько сложнее. Старик передаст Беркуту письмо. Только и всего. Передача письма – за свободу. В обычной ситуации такой ход мог бы показаться лишним смыслом. Но в данном случае речь идет не о простом главаре лесной банды. К тому же я хочу предложить условия, на которых Беркут может согласиться работать с нами.

Гость скептически улыбнулся, и Штубер заметил эту улыбку.

– Я готов сотрудничать с этим человеком на любых условиях. И сдержу свое слово. Чтобы избежать провала, Беркут как агент не будет зафиксирован ни в одном из досье абвера, гестапо, жандармерии или службы безопасности. Пока что, разумеется. Зато, имея такого союзника, мы за два-три месяца сумеем проникнуть во все окрестные партизанские отряды и подпольные группы и ликвидировать их. А затем перебросить свои силы в другой регион.

– Размах... – согласился оберштурмфюрер. – Стало быть, рассчитываете, что он ответит на письмо, положившись на ваше честное слово? Не могу понять, на чем построен ваш расчет.

– Кроме всего прочего, на особенностях характера Беркута, его взглядах на войну и собственное участие в ней. Наконец, на его самолюбии.

– Что ж, вы неплохой психолог, – спокойно произнес Ольбрехт. И только теперь Штубер обратил внимание на то, что кобура его расстегнута и рука лежит на пистолете. – Все рассчитано верно. Позвольте представиться: я и есть тот самый Беркут, – выхватил он оружие. – Спокойно! Снять ремень и бросить в угол.

В то же мгновение закрывавшее вход одеяло приподнялось и на пороге, с пистолетом в руке, вырос высокий русоволосый унтер-офицер.

Руки Штубера легли на пояс у пряжки. Однако трудно было предугадать, как он поступит в следующий момент: расстегнет ее или схватится за оружие.

– К чему все эти предосторожности, господин Беркут? – Громов сразу же обратил внимание, что сказано это было довольно спокойно. Даже несколько небрежно, с вызовом. – Да, вы действительно прибыли в крепость, но, согласитесь, по моему приглашению. Так цените мою элементарную вежливость. Неужели вы полагаете, что я не узнал вас, не понял, с кем имею дело?

– Не поняли и не пытайтесь разубедить меня в этом, гауптштурмфюрер.

– В таком случае я разочарован, Беркут. По-моему, вы просто не готовы к... новым взаимоотношениям, – помрачнел Штубер. – Вообще не готовы, в силу своего мировоззрения, и в этом ваш недостаток.

– Но есть и некоторые достоинства.

– Есть, конечно, – Штубер медленно снял ремень, отбросил его в угол и тут же выхватил откуда-то из-под полы френча маленький, почти миниатюрный пистолетик; каким-то неуловимым движением выхватил его... – Я не буду стрелять! – предупредил не столько Беркута, сколько стоящего за порогом. – Но учтите: любой выстрел, ваш или мой, – и из крепости вам уже не вырваться. Да и не затем я приглашал вас сюда, Беркут, чтобы устраивать дуэли на швейцарских пистолетиках.

– Вот и отложите его в сторону, – пожал плечами Беркут, демонстративно вкладывая свое оружие в кобуру. – Мой ординарец спустится вниз и подождет там, а мы сумеем спокойно поговорить. Время у меня еще есть.

– Рад, наконец-то мы нашли общий язык, – воинственно ухмыльнулся Штубер.

«А у него это неплохо отработано: пистолетик из-под полы... – подумал Беркут. – И действительно великолепная реакция. Я даже не успел зафиксировать движение его руки».

Чтобы окончательно успокоить Штубера, он придвинул стул поближе к столу и сел. Гауптштурмфюрер недоверчиво покосился в сторону Мазовецкого, вернее, в сторону руки с пистолетом, потому что сам Мазовецкий уже стоял за порогом, втиснувшись в небольшую нишу.

– Подожди меня внизу, – не оборачиваясь, приказал Беркут по-немецки.

* * *

На минуту воцарилась тишина. Видимо, Мазовецкий раздумывал: спускаться или все же подождать у входа. А когда вновь послышались его шаги, Штубер воинственно улыбнулся, положил пистолетик на стол и указательным пальцем отодвинул его подальше. Затем медленно встал, поднял с пола свой ремень и тоже положил на стол.

«Неужто и впрямь сразу догадался, с кем имеет дело? – напряженно всматривался в его лицо Громов, словно хотел прочесть на нем ответ. – Нет, если бы догадывался, то и встретил, и говорил бы со мной иначе».

– Итак, жестами вежливости мы обменялись, – первым заговорил Беркут, когда Штубер опять сел на свое место и потянулся к бутылке с коньяком. – А теперь к делу. Хотя я пока что не спешу, времени у нас все равно маловато, поэтому слушаю вас, гауптштурмфюрер, слушаю. Я здесь по вашей инициативе.

– Каким образом старик сумел передать вам письмо?

– У нас отлично налажена почтовая связь.

– И все-таки? – гауптштурмфюрер налил в рюмки коньяку и одну из них пододвинул к Беркуту. Из своей сразу же отпил. Он, как мог, демонстрировал полное доверие.

– Мы ведь встретились не для того, чтобы выведывать друг у друга военные тайны?

– Ну, в любом случае вы уже кое-что вывели, – заметил Штубер. – Однако не будем об этом. Господин Беркут, я самым тщательным образом проанализировал сведения о вас, имеющиеся в досье различных служб. Еще прошлой осенью в окрестных селах, да и здесь,

в Подольске, распространился слух, будто бы в наши леса заброшена особая команда парашютистов-диверсантов, то есть группа Беркута. И будто бы в ее составе прекрасно подготовленные разведчики, минеры и вообще ребята-сорвиголовы... Такова легенда. Но это – легенда. А изучив донесения, касающиеся ваших диверсий, я, как вы уже знаете, пришел к выводу, что группа возникла стихийно и состоит из окруженцев и гражданских лиц, не желающих контактировать с новой властью, одним словом, непрофессионалов.

– Из этого следует, что вы считаете себя профессионалом?

– Я не стыжусь этого, господин Беркут. Как не стыдится своего ремесла любой другой профессионал. Мало того, в известной мере я принадлежу к профессионалам международного класса – пусть это не покажется проявлением моей нескромности. Просто в данном случае следует называть вещи своими именами. В этом смысл нашей встречи.

– Несомненно.

– Однако вернемся к моей версии. Группа Беркута возникла стихийно. Но во главе ее – обычный окруженец, бывший комендант одного из дотов «Сталинской линии». Вопреки сложившемуся мнению, его – то есть вас, лейтенант Беркут, – никто не готовил, никто не засылал сюда и никто не уполномочивал создавать такую группу. Тем не менее вы оказались способным организатором. К тому же свободно владеете немецким, хладнокровны, умеете подавлять в себе чувство страха, не задумываясь идете на риск. Даже тогда, когда в этом нет необходимости.

– Но какое это имеет значение: профессионал я или нет? Война, как вы убедились, затягивается и продлится, вероятно, еще года два. За это время все мы, уцелевшие, станем профессионалами. Вот только одни будут по-прежнему называться оккупантами и убийцами, а другие – народными мстителями. Что, согласитесь, не одно и то же.

– Я думаю, что разделимся мы в основном на мертвых и... профессионалов. Однако вернемся к вашему вопросу. Могу понять кадровых разведчиков и диверсантов, которых засылают сюда, в тыл, после соответствующей подготовки. Они работают в течение определенного времени, зная, что в штабах и центрах помнят о них, прикалывают к их парадным кителям ордена, повышают в звании. Словом, они знают, за что рискуют. Будем говорить откровенно: вы исключительно способный диверсант. Но что заставляет вас работать вот так, по собственной инициативе? Почему вы не ушли за линию фронта, не попытались окончить диверсионную школу?

– Я должен объяснять? – поиграл желваками Громов.

– Не обязательно, – согласился Штубер, выдержав длинную, выжидательную паузу. – Мне и так ясно, что для вас борьба здесь, в тылу, – идеальный способ самовыражения, проявления своих способностей. Если вы отбросите свои помпезные политические толкования и спросите себя об этом откровенно, то согласитесь со мной. Впрочем, не будем дискутировать.

– Это все, что вы хотели мне сказать?

– Я хотел предложить то же, что уже предлагал, когда вы были в доте смертников, то есть сотрудничество. Обратите внимание: сотрудничество не с гитлеровской Германией, не с доблестными войсками фюрера, а со мной и такими людьми, как я, как мы с вами, профессионалами войны. Поверьте, как бы ни менялись обстоятельства и политические ситуации, такие люди не теряют своей ценности и ореола славы. Ими будут восхищаться и через много лет после войны. Восхищаться и подражать.

– Божественно. Теперь я начинаю понимать вас. Стало быть, сотрудничество двух профессионалов. И на каких же условиях?

– Об условиях я уже говорил. Но появился один нюанс. Да не волнуйтесь вы, Беркут, – неожиданно рассмеялся гауптштурмфюрер, чувствуя, что замысел его близок к осуществлению. – Права рисковать жизнью мы вас не лишим, прекрасно зная, что без этого жизнь

теряет для вас всякий смысл. Но вы понимаете, что партизанщина – явление временное. Рано или поздно все, кто находится сейчас в лесах, будут перебиты, вымрут от эпидемий или попросту выйдут и сложат оружие.

– Ну, положим, исход партизанского движения видится мне иначе.

– Сложат, сложат, лейтенант: кто оружие, кто головы... Но даже те, кто сдастся, уже не будут иметь надежды на будущее. Независимо от того, какими подвигами они прославились перед местным населением – кучкой старых женщин и стариков из окрестных сел. Правда, кое-кто попытается перейти линию фронта. Но поверьте, как только вы перейдете ее, вас сразу же посадят в концлагерь и будут долго выяснять, почему сразу же не вышли из окружения и не вернулись в часть и, вообще, чем все это время занимались. А потом в лучшем случае – штрафная рота. Так зачем вам ввязываться в эту историю? Я предлагаю сотрудничество на рыцарских условиях. При которых не пострадает ваше достоинство.

– Каких же?

– Группа остается в лесу. Но действуют в ней лишь те, кто примет наши условия. Полагаю, Беркут достаточно авторитетен, чтобы к его мнению прислушались. Ну а тех, кто не прислушается...

– Понятно.

– Итак, вы будете руководителем группы. В свою очередь, мы всеми возможными способами пропаганды будем поддерживать легенду о бесстрашном Беркуте, приписывая ему даже те подвиги, которых он никогда не совершал. Конкретнее – диверсии, проводимые другими партизанскими отрядами и группами.

– Это уже интересно.

– Прослышав о вашей славе, в группу будут стекаться все, кто сочувствует большевикам. Ну а мы, естественно, будем вовремя нейтрализовывать их, отводя при этом от вас малейшие подозрения.

«Ишь как: “нейтрализовывать”! – возмутился про себя Громов. – Изобрел-таки термин! Чтобы не шокировать раненого лейтенанта Беркута».

– Что же касается будущего, то давайте пофантазируем. Почему бы не допустить, что вы станете здесь, у себя на Украине, национальным героем, как, например, Хмельницкий, Кармелюк, Наливайко... Или кто там еще? Вы знаете их имена лучше меня. Героем, который сразу же после поражения Москвы, во избежание бессмысленного кровопролития, с достоинством капитулирует перед победителем. А потом, по воле правительства рейха, отдающего должное его мужеству, будет назначен на какой-нибудь высокий государственный пост.

– Простите, гауптштурмфюрер, какого государства?

– Украинского. В составе рейха. Впрочем, не следует принимать меня за чиновника, раздающего посты и кресла.

– А в случае поражения Германии?

– Поражения? – удивленно переспросил Штубер, несколько замявшись. Такой вопрос Беркута явно не был предусмотрен в его подробно разработанном плане встречи с мятежным лейтенантом... – В случае поражения вы или останетесь на Украине и будете продолжать борьбу с большевиками, или же присоединитесь к нам, к группе Скорцени, и станете разведчиком и диверсантом международного класса. Отто обещал, что я пробуду здесь в крайнем случае до осени. А когда в Подольске миссия моя будет закончена, влиятельные друзья предложат место с более подходящим климатом, например, Италию, Францию или Испанию.

– Скорцени? Мне это имя ни о чем не говорит. Кто-то из итальянских фашистов?

– Вот видите, как все просто! Будь вы профессионалом, это имя, конечно же, было бы вам известно. Он – немец, но сомневаюсь, чтобы он был ревностным национал-социалистом, демократом или еще кем-нибудь. Он верит в Гитлера лишь как в личность, равную

себе. Подчеркиваю: как равную. Я убежден в этом. Впрочем, вскоре вы узнаете о Скорцени значительно больше. Со временем его будут почитать и на Украине.

– До сих пор нам вполне хватало своих национальных героев, – поднялся Беркут, считая, что разговор окончен. – Скажите, ваша группа подобрана из таких же профессионалов, как этот Скорцени?

– Разумеется. И вы сможете убедиться в этом, – в свою очередь поднялся Штубер. Фраза прозвучала несколько двусмысленно. – Если вы согласны, связь будем поддерживать через особо проверенных людей. Кстати, как вы отнесетесь к такому варианту: несколько моих сорвиголов вливается в вашу группу и действует там под вашим командованием? Мне же отводится скромная роль комиссара. Гауптштурмфюрер – комиссар СС! Как вам такой чин?! Зря мои и ваши фюрер-социалисты развязали эту войну, зря! – рассмеялся Штубер. – Если я стану комиссаром, тогда уж возможность разоблачения будет совершенно исключена. Не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.